

ЛитРес:

ЕЛЕНА
ПАЛЕНОВА

The background of the cover is a dark, atmospheric illustration. It features a central figure, a woman with long dark hair, seen from behind. She is surrounded by a dense, ethereal forest of trees with glowing red and white branches. The scene is filled with a misty, magical quality, with small red and white particles floating in the air. The overall color palette is dominated by deep reds, blacks, and bright whites, creating a high-contrast, dramatic effect.

ЖИЗНЬ ЗА ЖИЗНЬ

Елена Паленова
Жизнь за жизнь
Серия «Одарённые», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68537145

SelfPub; 2023

Аннотация

Вторая книга серии "ОДАРЁННЫЕ". Вопреки пророчеству старой ведьмы об отсутствии общих детей с бывшим женихом, Юля узнаёт, что беременна от Саши. Обстоятельства складываются далеко не в пользу появления на свет этого ребёнка – отношения с матерью у девушки сложные, работу найти не получается, и доктора в один голос твердят, что Юле после болезни ещё рано думать о детях. Вдобавок к реальным препятствиям есть и те, которые связаны с магическими способностями Юли. Чтобы принять окончательное решение, она хочет посоветоваться с Сашей, ведь это и его ребёнок тоже, но выясняет, что бывший жених угодил в психиатрическую клинику. Помочь молодому человеку может только влюблённый в Юлю Андрей Турин, поскольку болезнь Александра берёт начало в мире мёртвых, а девушке, если она хочет сохранить ребёнка, прикасаться к чёрной магии нельзя.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	21
Глава 3	40
Глава 4	56
Глава 5	75
Глава 6	90
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Елена Паленова

Жизнь за жизнь

Глава 1

– Шесть недель.

– Девять, – поправила Юля. – Я за последний год была с мужчиной всего раз. Могу даже точную дату сказать.

– Тем более, – сурово сдвинула брови доктор. – Вам по всем показаниям положено прерывание. Травма, кома, длительное лечение сильными препаратами... Всё это ведь не только на вашем организме сказывается. Если уже на этом сроке наблюдается такая задержка в развитии плода, то здесь и говорить не о чем. Вы его просто не выносите. И себя угробите заодно.

– Ладно, – вздохнула девушка. – Допустим, я соглашусь на прерывание. Мне двадцать восемь, и это первая беременность. Вы можете дать гарантию, что у меня потом ещё будет возможность иметь детей?

– Ну, знаете, современная медицина...

– Я очень хорошо знакома с современной медициной, спасибо, – поморщилась Юля. – Я подумаю.

– Только не слишком долго думайте, – попросила доктор. – Не затягивайте с этим, поскольку потом поздно будет.

Через неделю жду вас с окончательным решением.

«Перестраховщики, чтоб их...» – думала Юля, выходя из женской консультации на дышащую майской свежестью улицу. Несмотря на то, что до календарного начала лета оставалось всего несколько дней, воздух всё ещё радовал приятной прохладой, которая горьковато пахла молодой зеленью тополей. На газонах среди солнечной россыпи одуванчиков горделиво покачивались на длинных стеблях бутоны тюльпанов, которые тоже немного припозднились с цветением. С точки зрения погоды и природы весна выдалась замечательной, но от всего остального Юле хотелось быть.

Дела с официальным трудоустройством шли... никак. Имелись так нужные всем образование и опыт, но теперь в довесок к ним прилагалась ещё и интуиция, которая всё портила. Юля ходила на собеседования в разные компании стабильно раз или два в неделю, и каждая такая встреча заканчивалась её же отказом: «Извините, меня это не устраивает». А что конкретно её не устраивало? Взять, например, последнего потенциального работодателя – отличные же условия предлагались. График пять на два, восьмичасовой рабочий день с перерывом, зарплата выше средней, отпуск и всё остальное в соответствии с трудовым законодательством. Но нет, Юле показалось, что кадровый менеджер лукавит. Показалось! И этого хватило, чтобы позволить себе залезть в мысли ничего не подозревающего кадровика. Выяснилось, что всё не так радужно, как он расписывает. Не критично,

и можно было бы согласиться, но в последнее время Юлю очень сильно раздражало враньё. А теперь ещё и беременность смешивала все карты, хотя уж эта-та проблема точно была решаемой.

Проблема... Турин ошибался, думая, что его двоюродная бабка Зинаида не хотела иметь детей и всеми силами стремилась добиться того, чтобы у других их тоже не было. Она хотела, но не могла. Чёрная магия – жестокая штука. Она даёт преимущества, но и отнимает тоже многое. Нужно определиться, нормальным человеком ты хочешь быть или колдуном, потому что от этого решения зависи дальнейшая судьба. Хочешь детей – полностью откажись от колдовства. Хочешь колдовать – откажись от детей. Не потому, что такова цена способностей, а потому, что неизбежные откаты бьют в первую очередь по ребёнку.

О своей беременности Юля узнала через несколько дней после того, как Саша решил отпраздновать подачу заявления в ЗАГС грубым пьяным соитием. На таком сроке даже тесты делать бесполезно, а она проснулась однажды утром с твёрдой уверенностью, что в ней растёт новая жизнь. Ещё совсем крошечная и незаметная, но уже пострадавшая от последствий той магии, к которой Юля прибегла, чтобы снять с Яны проклятие Зинаиды. Старуха знала, что так будет. Наверное, у неё всё же был какой-то дар предвидения, раз она сказала, что общих детей Юле с Сашей не видать. «У тебя от другого мужика или у него от другой бабы – да. А общих

не будет», — часто вспоминала девушка слова старой ведьмы. Связывать свою судьбу с Александром Юля больше не хотела, а их единственный возможный общий ребёнок оказался обречён только потому, что его покалечил откат от чёрного колдовства матери. Юля тогда ещё ничего не знала о беременности и о том, что у магии могут быть такие последствия, поэтому вины за собой не чувствовала, но ей всё равно было горько и обидно.

Слишком поздно пришли знания. У них вообще имелась отвратительная особенность приходить по мере поступления проблем, словно наследие Зинаиды Трофимовны было устроено таким образом, чтобы не загружать сознание и подсознание своего обладателя излишней информацией. Это не школа или институт, где ты вынужден запоминать колоссальные объёмы материала, чтобы не опозориться на экзаменах. Доставшееся Юле магическое наследие работало с точностью до наоборот — все знания уже имелись в наличии, и ничему учиться не нужно было, но требуемая информация выдавалась магической памятью по мере необходимости. Есть проблема — получи решение, и никак иначе. Например, одновременно с уверенностью в собственной беременности Юля получила заодно и полную инструкцию с перечнем побочных действий чёрного колдовства, и несколько разных способов избавления себя от ненужного бремени. Только вот бремя это было ей нужно. Она хотела выносить и родить этого ребёнка, хотя и понимала, что это будет проблемой.

Андрей умеет видеть болезни и лечить их руками – эту полученную от Яны информацию Юля считала своим спасением, поэтому и не торопилась соглашаться на прерывание. Полный запрет на колдовство в период беременности и впредь её вполне устраивал, поскольку магические способности она получила не по доброй воле. Нужно было просто договориться о встрече с Туриным и попросить его посмотреть, что с ребёнком, но... Ей было страшно. А вдруг он скажет то же самое, что в один голос твердят врачи? Невролог, у которого Юля стояла на учёте, постоянно ныл о длительности срока реабилитации после серьёзной черепно-мозговой травмы и комы, сокрушаясь по поводу того, что своей неосмотрительностью пациентка усугубила ситуацию. Коллеги других специализаций ему вторили – рожать нельзя, нужно прерывать. Теперь ещё выяснилось, что плод отстаёт в развитии, хотя Юля знала, что на ранних сроках многие женские врачи допускают погрешность в пару недель. Она хотела верить, что с малышом всё в порядке, и боялась убедиться в том, что это не так.

Подработку в Интернете она нашла довольно быстро, но стабильным доходом там и не пахло. С поиском нормальной работы уже второй месяц не клеилось. На собеседованиях Юля умалчивала о беременности, поскольку не была уверена, что сможет сохранить этого ребёнка. Дома тоже всё встало с ног на голову. После развода Роза Антоновна очень сильно изменилась, причём не в лучшую сторону, и общать-

ся с ней стало очень сложно. Матери о своём деликатном положении Юля не говорила – опасалась, что реакция будет резко отрицательной. И посоветоваться не с кем, потому что все друзья и подруги остались где-то в прошлой жизни, а навязываться... Зачем? Была бы нужна, хоть кто-нибудь пришёл бы осенью в больницу проведать, но, кажется, разрыв Сашей отношений положил конец и всем дружеским связям тоже.

– Между прочим, он тоже имеет отношение к этому ребёнку, – проворчала Юля себе под нос, наблюдая за девочкой, которая ползала по газону на четвереньках, собирая букетик из одуванчиков. – Если хочет стать отцом, поеду за консультацией к Турину. Ну а если Саше это триста лет не надо... Тогда пошло всё к чёрту!

Да, струсила. Да, переложила ответственность за принятие ответственного решения со своих плеч на Сашины. А что ещё оставалось делать? Любой другой в таких обстоятельствах... Любой другой не оказался бы в таких обстоятельствах, и Юля прекрасно это понимала. Магические способности не раздают налево и направо, а источником всех её проблем были именно они.

* * *

В марте Саша говорил Розе Антоновне о своём намерении уехать к родственникам в Сургут. После этого уже больше двух месяцев о нём не было никаких известий, и Юля давно

пришла к выводу, что её дважды несостоявшийся жених всё-таки покинул родной город. Судя по настойчивому «абонент недоступен» автоответчика, Александр ещё и номер телефона сменил, но когда и кого это останавливало? У него есть отец, и они наверняка общаются.

Улица Садовая утопала в сочной майской зелени. Кое-где ещё цвели плодовые деревья, но большинство из них уже осыпалось невзрачными сморщенными лепестками на тротуары, на которых в это время буднего дня прохожие встречались редко. Где-то неподалёку жужжал триммер, и Юля очень живо представила, как жёсткая леска сбивает яркие соцветия весенних сорняков, оставляя за собой почти голую землю, покрытую лишь тонким слоем измельчённой травы.

Чёрный остов сгоревшего дома Рыковых она увидела издалека. С грустью вспомнила об Олесе и её матери, пострадавших, а потом и погибших по вине Сашиной матери. Саша рассказывал о том, что на суде Рыков обвинил Светлану Борисовну в поджоге, за что и отомстил ей. «Он видел, как мама что-то бросила через забор, а потом дом загорелся. Бред полный. Возгорание внутри произошло», – ворчал тогда Александр. Бред или нет, колдовство это было или просто глупая убеждённость одержимой женщины в своём всемогуществе, но в одном Юля была уверена на сто процентов – без вмешательства паразитировавшей на Светлане Борисовне сущности там не обошлось. Да, Раиса Рыкова обеспечила себя и дочь какой-то защитой, но настолько ли на-

дёжной была эта защита, чтобы противостоять намерениям обитателя астрального уровня реальности? Юля склонялась к мысли, что энергетический паразит всё же имел доступ к сознанию и воле Раисы. Он заставил её поджечь дом и оставаться внутри. Он запретил ей спасать себя и Олесю. Это было единственное логичное объяснение случившемуся. Светлана Щупова хотела напакостить соседке, и её желание исполнилось. Не зря ведь она потом звонила с угрозами, что обвинит во всём Юлю. Даже не расстроилась ведь из-за смерти бывшей подруги. Страшно. И горько. Невинных людей жалко.

Чем ближе Юля подходила к дому Щуповых, тем сильнее нервничала. Она волновалась, что хозяина не окажется дома. Боялась результата предстоящего разговора с Сашей. К счастью, у Петра Васильевича в этот день был выходной, и он возился во дворе, ремонтируя собачью будку. Под ногами у него вертелся пузатый лопоухий щенок, который разразился заливистым лаем, стоило Юле подойти к калитке.

– Здравствуйте, Пётр Васильевич! – крикнула она через редкий, требующий покраски штакетник забора.

Мужчина посмотрел на неё внимательно, сощурился, будто что-то вспоминая, а потом положил инструменты на крышу будки и подошёл поближе.

– Юля, если я не ошибаюсь... – адресовал он гостье вопросительный взгляд.

– А я думала, что вы меня в ту нашу единственную встре-

чу и не заметили даже, – нервно улыбнулась девушка.

– Ну отчего же не заметил? Заметил. Запомнил. Значения только не придал. Ты мимо идёшь и просто поздороваться решила, или надо чего?

– Надо, – вздохнула Юля, чувствуя, что здесь ей не особо рады. – Я у вас номер Сашиного телефона попросить хотела. Он сказал, что я могу звонить ему, уехал, а новый номер не сообщил.

– Новый номер... – Пётр Васильевич поморщился и почесал затылок. – Ты ничего не знаешь, да? Ну да. Не хотел он, видать, чтобы ты знала.

– Знала что? – по спине Юли прополз озноб дурного предчувствия, и она, не задумываясь, позволила своему врождённому телепатическому дару забраться в мысли собеседника.

– Я не стану ничего объяснять, раз Санька так решил, – нахмурился Пётр Васильевич. – И не ходи сюда больше. Оставь его в покое. Ты и так уже наворотила достаточно.

– Извините, – машинально пробормотала девушка, отходя в сторону от калитки, но не прерывая ментальной связи.

Мысли Петра Васильевича были о том, какого диаметра цепь нужно купить для пузатого щенка Филимона, чтобы не покупать новую, когда он вырастет. Если этот пёс вообще вырастет – лапы-то у него вон какие тонкие. Казалось, что мужчина старательно пытается не думать о сыне, но разговор с незваной гостьей всё же всколыхнул в его памяти нужные Юле воспоминания. Мало, но хватило и этого – Саша в пси-

хушке, потому что пытался свести счёты с жизнью. Когда? Как? Почему? На эти вопросы ответов не было.

Казалось бы, чего проще – оставить идею пообщаться с бывшим женихом, вернуться в поликлинику и взять у врача направление на анализы, которые необходимы перед операцией. Саша – псих. Он не в состоянии принять адекватное решение насчёт ребёнка, и Юле всё равно придётся всё решать самой. А что решать, если «против» больше, чем «за»? Точнее, «за» вообще ничего нет, кроме её нелогичного желания сохранить эту беременность.

– Щупов, что у тебя в голове творится? – проворчала Юля себе под нос, добрела до ближайшей лавочки, села, закрыла глаза и расслабилась, мысленно пытаясь дотянуться до бывшего жениха.

Бессмысленная затея, потому что это ничего не решало. К тому же, девушка понятия не имела, в какой клинике и в каком вообще городе находится Александр. Она цеплялась за идею увидеться с ним только потому, что не хотела соглашаться на аборт. Знала, что всё равно придётся, но...

Дар справился с поставленной задачей неожиданно быстро. Перед мысленным взором замелькали обрывки каких-то видений, а в ушах глухо зашумело, словно кто-то пытался разговаривать через плотный комок ваты. Слов Юля так и не разобрала, зато поняла, где содержится объект её поисков.

В областном психиатрическом диспансере ей доводилось бывать всего пару раз – брала справку для института, а потом

для комиссии на водительские права, что не состоит на учёте. Вход на территорию больницы только через небольшой административный корпус, где расположены и регистратура, и приёмный покой. Справа от административного корпуса есть приземистое здание из красного кирпича, где, судя по количеству труб на крыше, размещается кухня. Где-то там, кажется, имелись и ворота, но Юля узнала именно красную постройку. Точнее, не саму постройку, а раскидистую берёзу возле неё и узкий шиферный навес над крыльцом – вроде бы и видела это всё мельком, но в памяти унылый пейзаж почему-то сохранился.

«Да ну, не поеду я туда», – решила девушка, вынула из сумочки телефон и набрала номер Яны, но Турина на звонок не ответила. Новый телефонный номер Андрея Юля не знала, да и вообще не была уверена, что он пользуется телефоном. Из Ярославля Турины куда-то переехали, возвращаться намерения не имели, а Ерёменко уже два месяца ломал голову над тем, как после чудесного воскрешения вернуть школьного друга к нормальной жизни без негативных последствий для его сестры, которая пусть и невольно, но всё же была соучастницей преступления. Яна вроде бы что-то говорила о том, что можно всё свалить на спятившего и погибшего в ДТП Шаркова, а она как бы не при делах, но нужно было тщательно продумать стратегию, чем Ерёменко и занимался. Он ведь и сам запятнал свою репутацию честнейшего человека, когда вызволял Андрея из лап похитите-

ля, поэтому ситуация была сложной.

Решив, что позже попробует дозвониться до Яны ещё раз, Юля посидела на лавочке ещё немного, а потом вернулась домой. Визит к врачу за направлением она отложила на следующее утро – один день ведь всё равно ничего не изменит. Нужно было немного поработать, потому что дедлайн по задачам уже поджимал, но сколько Юля не таращилась в экран своего ноутбука, мысли её были заняты совершенно другим. Сашка... Он, конечно, гад, но не по своей же вине стал таким. Его мамочкин «пассажир» искалечил. И Юлина вина в этом тоже была, хоть и косвенная – это ведь из-за неё Саша попал под влияние астральной сущности. От неё Светлана Борисовна хотела отвести сына, тем самым дав паразиту повод вцепиться в свободную и ранее запретную кормушку.

Часы показывали четверть третьего, когда Юля второй раз за этот погожий майский день вышла из дома. Меньше, чем через час, она уже сидела в салоне автобуса, выезжающего с автовокзала в направлении областного центра. В половине шестого водитель городской маршрутки открыл для неё дверь на остановке «Психиатрическая больница». Ещё пятнадцать минут было потрачено на то, чтобы добраться до административного корпуса и выяснить у сердитой медсестры в регистратуре, что посторонним сведения о пациентах не предоставляются.

– А с его лечащим врачом я могу поговорить? – упавшим голосом уточнила Юля.

– Девушка, вы про врачебную тайну когда-нибудь слышали? – нахмурилась вредная тётка. – У вашего парня есть родственники, вот с ними и разговаривайте.

– Спасибо, – поблагодарила её Юля, но не за совет, а за прочитанную мысль о лечащем враче Саши.

Рабочий день у Геннадия Алексеевича Морозова заканчивался ровно в восемнадцать часов, и пятнадцать минут на то, чтобы дождаться его у входа – сущий пустяк. Прогуливаясь по вечерней аллее перед больницей Юля думала о том, что иногда телепатия может быть очень полезной. Да, нехорошо копаться в чужих мыслях, но что делать, если по-человечески добиться желаемого не получается. Она ещё раз потянулась мыслями к Саше и остолбенела, явственно услышав в своей голове одновременно Сашин и чей-то женский голос, говорящие одновременно: «...Каша. Вкусная, с маслом. Кушай, Саша, кашу. Ложечку за маму, ложечку за папу...»

Юля зажмурилась и помотала головой, пытаясь справиться с наваждением. Перед глазами стояла чёткая картинка – яркая лампочка под потолком, зелёная краска на стенах, решётка на окне и Светлана Борисовна в сиреневой медицинской спецовке с колпаком на голове и с тарелкой в руке. «У него галлюцинации», – поняла Юля и обречённо вздохнула.

Геннадий Алексеевич вышел из административного здания в двадцать минут седьмого. Юля всё ещё ждала его, хотя уже не была уверена, что ей это действительно нужно. Догна-

ла на парковке у больницы, подошла, поздоровалась, представилась Сашиной невестой.

– Невеста? – заинтересовался доктор, и Юля невольно перехватила его мысль о том, что она могла быть причиной категорического нежелания его пациента жить.

– Если честно, я не уверена, что он хотел на мне жениться, – призналась девушка. – Сделал предложение, а потом разозлился, что я его приняла. Говорил, что не хочет со мной жить, но я его приворожила. Мы в начале марта заявление подали в ЗАГС, но он через пару дней сообщил моей маме, что уезжает в Сургут и оставляет мне право выбора.

– Какого выбора? – уточнил Геннадий Алексеевич.

– Приехать к нему туда или забыть о его существовании, – пожала плечами Юля.

– И вы предпочли забыть?

– Я предпочла не забивать себе голову его бзиками. Это уже второй раз, когда он меня незадолго до свадьбы бросил. Первый был в прошлом году. Я бы и сейчас сюда не приехала, но, как выяснилось, я от него беременна. Хотелось бы знать, наследственное у него заболевание или нет.

– Нет, – покачал головой доктор. – У него тяжёлая затяжная депрессия, но это лечится.

– А вы разрешите мне с ним повидаться? – закинула удочку Юля.

– Зачем? – нахмурился Морозов.

– Ну, я же от него ребёнка жду. Вдруг это поможет как-то

вернуть ему интерес к жизни.

Геннадий Алексеевич посмотрел на неё долгим внимательным взглядом и пообещал подумать. Записал номер Юлиного телефона, вежливо попрощался, но потом всё же предложил подбросить её до автовокзала. Юлия согласилась, но не потому, что так было быстрее и проще, а потому, что получила длительный доступ к мыслям нужного человека. Когда Морозов остановил свой автомобиль возле автовокзала, она уже знала, что Саша действительно пытался уехать в Сургут. Улететь. Купил билет на самолёт из Москвы, сел в автобус до столицы, но через два часа вышел на одной из промежуточных остановок, вернулся в родной город, добрался до кладбища и попытался повеситься на дереве неподалёку от могилы матери на собственном шарфе. Красном таком шарфе длиной в два метра, который несколько лет назад связала для сына Светлана Борисовна. Из петли Сашу сторож кладбищенский вытащил. Чуть не опоздал, потому что ожидал застать постоянного посетителя на обычном месте. Сторож и вызвал «неотложку», заодно сообщив прибывшей бригаде о том, что общался раньше с этим молодым человеком и собственными ушами слышал, что жить Александр не хочет.

Об отношениях с Юлей Саша никому не сказал. Он вообще никому ничего не говорил с тех самых пор, как попал в психбольницу. Молчал, отказывался от еды, с постели вставал только для того, чтобы сходить в туалет. Лечение антиде-

прессантами положительного результата не давало, хотя Геннадий Алексеевич и сказал Юле, что «это лечится». Саша твёрдо решил умереть, и столкнуть его с намеченного пути докторам пока что не удавалось. Его кормили то через капельницу, то с ложечки, как немощного, но только после изрядной дозы лекарств, от которых молодой человек почти полностью терял связь с реальностью. И Пётр Васильевич, которому полагалось бы проявлять заботу о сыне, за два месяца появился в больнице всего два раза.

Домой Юля вернулась в десятом часу вечера. Раньше Роза Антоновна, волнуясь о дочери, уже телефон бы разрядила бесчисленными звонками и сообщениями, но теперь всё было по-другому. Теперь Юля стала для неё злом, разрушившим семью. Из-за этих беспочвенных обвинений ссоры случались с завидной периодичностью. Это ради Юли Роза Антоновна пошла на сделку с ведьмой. Ради Юли отказалась иметь других детей, хотя Павел всегда хотел много наследников. Жила ради Юли, заботилась, растила, воспитывала... А неблагодарная дочь снова полезла к той самой ведьме, из-за чего семейное счастье и рухнуло. «Ты! Ты беду накликала!» – твердила девушке мать, как заведённая. Самое обидное, что она действительно так думала. Не хотела искать причину в себе или в Павле, поэтому нашла самого удобного виноватого – Юлю. Перечеркнула собственные поступки, вывернула всё наизнанку и принялась изливать негатив на голову дочери. Её больше не волновало, хорошо себя Юля чув-

ствуется или плохо. Не заботило, где дочь проводит время и с кем общается. Гиперопека закончилась, только радости в этом было мало.

В этот вечер Роза Антоновна не сочла нужным даже выйти из своей комнаты, и это было хорошо, поскольку к очередной ссоре Юля не была готова. Ей было, о чём поразмыслить, кроме того, сколько же негатива в семье накопилось за двадцать лет, как долго может при таком раскладе длиться откат, и когда этот кошмар наконец-то закончится. Она думала о Саше. Точнее, о его матери, которая, кажется, не угомонилась даже после смерти и вознамерилась увести сына вслед за собой.

Глава 2

Яна позвонила утром. Мать уже ушла на работу, поэтому Юля могла разговаривать открыто, не боясь очередного скандала из-за упоминания колдовства и всего, что с ним связано.

– Привет! – сходу затараторила Турина. – Извини, вчера не было возможности перезвонить. У нас тут немножко очередной переезд намечается. Лёва вроде бы всё разрулил, и мы возвращаемся домой.

– В свой дом? – уточнила Юля и тоже поздоровалась, пусть и с запозданием. – Привет.

– Ну да. Без проблем, конечно, не обойдётся, потому что по документам Андрей вроде как умер, и теперь надо всё восстанавливать. И с конторой его тоже придётся пободаться, они там уже неустоек накрутили больше суммы сделки. Я же в наследство вступать сейчас должна и вторую половину дома им продать по обязательству. Достали. Чуть ли не каждый день названивают и что-то требуют. Ой, ты бы слышала реакцию их директора, когда Андрей не выдержал и сам на звонок ответил. Ещё и громкую связь включил. Я двумя руками рот зажимала, чтобы не заржать. Там такое было... Ладно, я тебе потом расскажу всё, когда приедем. Ты что-то хотела или просто поболтать звонила вчера?

– Вы когда возвращаетесь? – ответила Юля вопросом на

вопрос.

– Да через пару дней, – сообщила Яна. – Ринат машину из сервиса заберёт, и сразу вернёмся.

– Сыщик всё ещё с вами? – удивилась Юля. – Ты же вроде говорила, что у него здесь работа, и он уехал.

– Уехал, поработал и вернулся. Это тоже не телефонный разговор, потом объясню. И он не сыщик, а частный детектив.

– Ладно, пусть детектив, – согласилась девушка. – Андрей как себя чувствует?

– Нормально, – сразу же отозвалась Яна. – На поправку идёт гораздо быстрее, чем в прошлый раз. Уже сам по квартире передвигается. Устаёт, правда, быстро, но в целом уже намного лучше, чем две недели назад. Кстати, у него способности восстанавливаться начали. Пару дней назад сказал, что ты всё правильно сделала. Проклятия на мне больше нет. Я тебе сразу позвонить хотела, но замоталась с этими переездами туда-сюда. Вещей немного, а суеты...

– Мне с ним поговорить нужно, – невесело сообщила Юля.

– Что-то случилось? – сразу же насторожилась Турина. – Сейчас я его разбужу.

– Не надо, – остановила её девушка. – За пару дней всё равно ничего не изменится, поэтому я лучше вашего приезда дождусь. С глазу на глаз проще будет всё объяснить.

– Я тебе позвоню сразу же, когда приедем, – пообещала

Яна.

Юля поблагодарила её, попрощалась и нажала на экране своего смартфона кнопку завершения звонка. Представила, как Андрейотреагирует на вид своего раскуроченного призраком кабинета и валяющихся повсюдудохлых мышей, и вздохнула. Два месяца прошло. Предприимчивые сотрудники агентства недвижимости уже наверняка заморочились на то, чтобы привести дом в пригодное для продажи состояние. Источник неприятного запаха, который отпугивал потенциальных покупателей, обнаружен и, скорее всего, уже устранён. Паркет заменили на что-нибудь попроще. Дом-то хороший, его быстро купили бы, если бы Яна вступила в наследство и завершила сделку. Вполне вероятно, что и покупатель уже нашёлся, поэтому риелторы и называют Туриным каждый день – поторапливают. А теперь эту проблему придётся решать Андрею, раз уж он собирается официально воскреснуть из мёртвых. И деньги возвращать, которые Яна авансом получила.

После всего случившегося Юля с Андреем не общалась ни разу, поскольку он сам не изъявлял такого желания. В его мысли он тоже не заглядывала – опасалась, что Турин почувствует её вмешательство и обидится. Яна передавала приветы от брата и рассказывала о его состоянии – этого Юле было достаточно. Как-то незаметно женщина, которая на семнадцать лет старше, стала для Юли единственной близкой подругой. С ней можно было разговаривать на любые темы,

и она не лезла с советами. Но живого общения всё равно не хватало. Так одиноко, как в последнее время, Юля себя ещё никогда не чувствовала. А теперь Турины возвращаются, и можно будет изредка навещаться к ним в гости – одно это подняло настроение Юли настолько, что к обеду она справилась со всей запланированной на день работой.

К врачу в этот день она так и не пошла – решила, что несколько дней погоды не сделают. Надеялась на то, что Андрей не увидит никаких проблем со здоровьем ребёнка, и рассчитывала на разрешение психиатра пообщаться с Сашей. Сварила щи из свежего щавеля и молодой крапивы, которыми накануне вечером поделилась соседка. Нажарила котлет. Поела. Хотела занять себя ещё чем-нибудь, чтобы отвлечься от назойливых мыслей о бывшем женихе, и даже начала читать какую-то книгу, но перед мысленным взором постоянно мелькал образ Светланы Борисовны в медицинской униформе. В итоге Юля оделась и поехала на городское кладбище. Зачем? Она и сама не знала. Просто подумала, что там можно найти хоть что-нибудь, что прольёт свет на Сашино нежелание жить.

Погода испортилась ещё ночью. Весеннее небо подёрнулось сплошной серой дымкой облаков, которые непрерывно сочились мелким дождиком. Заметно потеплело, и утих ветер, что в совокупности создавало атмосферу парника. Вчерашней свежести как не бывало – на улице царил духота, которую усугублял ставший густым и тяжёлым аромат цве-

тущих растений. Если раньше обострившееся из-за беременности обоняние ещё мирилось с мимолётными майскими запахами, то теперь Юля буквально задыхалась. А ещё её в автобусе начало тошнить от смеси разного парфюма пассажиров. Девять недель – поздновато для токсикоза, но у каждой беременной ведь индивидуальная реакция на окружение. У неё вот такая, и с этим ничего не поделаешь.

Из автобуса Юля не вышла, а практически выпала, опасаясь грохнуться в обморок прямо на остановке. Посидела немного на скамейке, чтобы прийти в себя. Посмотрела в сторону кладбищенской ограды, со стороны которой буквально веяло скорбью и тоской. Это неприятное ощущение вряд ли можно было приписать токсикозу, и девушка решила, что организм как-то подсознательно бунтует против её намерений. Но она ведь не собиралась делать ничего сверхъестественного, просто хотела найти могилу Сашиной мамы, чтобы понять, связана ли смерть Светланы Борисовны с его состоянием.

– Девушка, вам плохо? – участливо поинтересовалась старушка, пришедшая на остановку со стороны кладбища.

– Душно, – призналась Юля.

– Да, погода сегодня подкачала, – вздохнула бабулечка. – Водички дать?

Девушка кивнула и сделала глубокий вдох, чтобы справиться с тошнотой. Не помогло. Перед носом замаячило горлышко пластиковой бутылки, и Юля протянула к ней руку,

нечаянно коснувшись вздутых суставов на тонких старушечьих пальцах. Ведьмовское наследие немедленно напомнило о себе яркой вспышкой совершенно ненужного знания, и неожиданно для самой себя Юля чётко произнесла:

– Мёртвые не забирают на ту сторону болезни живых.

Старушка уронила бутылку и перекрестилась, сурово сдвинув брови.

– Это ты к чему?

– К тому, что вам не на кладбище помощь искать надо, а в поликлинике, – пояснила девушка, с тоской глядя на растекающуюся по влажному асфальту лужицу минеральной воды.

– Ведьма! – охнула незнакомка.

– Угу, – обречённо кивнула Юля. – Только я не ищу у мертвецов решения своих проблем, поэтому можно поспорить, кто из нас двоих большая ведьма. Детскую присказку знаете? Кто обзывается, тот сам так называется.

– Да тьфу на тебя! Помогай вот таким...

Старушка исчезла из поля зрения. Кажется, решила прогуляться пешком до следующей остановки, чтобы не ждать автобус в неприятном обществе. Юля не слишком огорчилась, поскольку испытывала в отношении этой женщины странную смесь жалости и раздражения. А ещё она злилась на саму себя – ей категорически не нравились такие вот вспышки. Казалось, в эти моменты магическая часть её сути подавляет разум. Как тогда, когда Юля сняла проклятие с Яны Туриной – она ведь не собиралась делать ничего подоб-

ного, но внутренняя «ведьма» сделала всё сама, а ей осталось только наслаждаться последствиями в виде отката. Раздвоение личности? Вряд ли. Скорее всего, ей нужно было просто принять свои новые способности, а не пытаться забыть об их существовании. Два месяца удавалось быть нормальным человеком, а теперь вот опять началось.

На остановке возле кладбища Юля просидела довольно долго. Очень хотелось плюнуть на всё и вернуться домой, но ведь она сама решила приехать сюда, никто её не заставлял. И даже непокорное магическое Я не имело к этому решению никакого отношения.

– Ладно... – наконец-то вздохнула она, встала и пошла в направлении кладбищенских ворот.

Тратить время на поиски могилы не хотелось, поэтому девушка постучалось в дверь сторожки и заинтересовалась у выглянувшего мужичка, где можно получить информацию о месте захоронения.

– Да у меня и можно, я тут всех знаю. Все как родные, – зевнул сторож. – Кто нужен-то?

– Щупова Светлана Борисовна. Её в конце октября прошлого года похоронили.

В глазах мужчины промелькнула тень удивления. Юля чувствовала себя настолько отвратительно, что даже угрызания совести не почувствовала, когда залезла в его мысли – это, как выяснилось, самый простой и быстрый способ получения нужной информации, так почему бы не пользоваться

тем, что природой дано от рождения?

– Это в восьмом квартале, вы сами долго искать будете, – сообщил сторож. – Я покажу.

– Спасибо, – кивнула Юля.

Именно этот сторож спас Сашу. Именно он вызвал «скорую». А незадолго до этого он пил с молодым человеком и, кажется, чувствовал себя виноватым в том, что пьяными нравоучениями перегнул палку.

– А вы родственница? – осторожно поинтересовался мужичок у Юли, ведя её узкими аллеями к нужной могиле.

– Нет, – отозвалась она и решила, что немножко лжи не повредит. – Я журналистка. Пишу статьи о психологии семейных отношений.

– Интервью у покойницы брать будете? – усмехнулся сторож.

– Нет, хочу могилу сфотографировать и дерево, на котором её сын повеситься собирался. А интервью взяла бы у человека, который вовремя вмешался. Это, случайно, не вы?

– Я, – охотно кивнул мужчина. – Только я ничего не знаю и имени своего называть не буду. Моё дело ворота вечером запирать, а утром открывать, и порядок на территории поддерживать. Чего этот дурак в петлю полез, мне неизвестно.

– Он часто здесь бывал?

– Да почти каждый день. Зимой, бывало, мороз такой, что струя на лету замерзает... Простите, – смутился сторож.

– Да ничего, – махнула рукой Юля. – И что же? Всю зиму

каждый день приходил?

– Не каждый, но через день точно бывал. Сядет в снег у могилки и пьёт.

– И вы с ним за компанию, – кивнула девушка.

– Я?! – возмутился мужичок. – Мне в рабочее время не положено, знаете ли. Мне этого дурня по-человечески жалко было. Молодой ведь, а в голове чёрт знает что творится.

– А откуда вы знаете, что у него в голове творится, если не общались? – усмехнулась Юля.

– Э, не-е-ет, – помахал сторож пальцем у неё перед носом. – Вы мне вот это вот не надо. Ишь, хитрая какая! Я сказал, что не пил с ним, а вы всё вон как перевернули. Не скажу ничего больше, а то эдак вы меня ещё и виноватым сделаете.

Юле большего и не надо было. Саша после похорон матери буквально поселился на кладбище, а мёртвые этого не любят. Мёртвым покой нужен.

Сама она действительно долго искала бы могилу Светланы Борисовны, поскольку участки семейного захоронения располагались в старой части кладбища, а не в новой. Здесь были похоронены Борис и Пелагея Даниловы – Сашины дед с бабкой. Рядом с нужной Юле могилой имелось свободное место для ещё одного покойника, и девушка почему-то очень живо представила на этом месте памятник с фотографией Саши. Но она ничего не почувствовала. Совсем ничего. Могильный холм почти не просел, фотография в чёрной рамке выцвела, а облезшие за зиму похоронные венки убраться ни-

кто не утосужился. Если бы Саша не угодил в больницу, он наверняка перед Пасхой навёл бы здесь порядок, а Петру Васильевичу, это, судя по всему, было неинтересно.

Если Андрей Турин мог видеть потустороннее, то у Юли всё было на уровне ощущений. Конкретно в этом месте ощущение появилось только одно – желание уйти. Она ожидала чего-то большего. Сделала несколько фотоснимков на телефон, чтобы поддержать легенду о своей карьере журналистки, и попросила сторожа показать дерево, с которого он снял Александра.

– Да вон оно, – махнул мужичок рукой в сторону росшей неподалёку разлапистой ели. – Отсюда метров десять, но пока по снегу мимо всех этих оградок доберёшься... Думал, что не успею.

Ель выглядела роскошно – высокая, пушистая. В ответ на эту мысль подсознание охотно выдало информацию о том, что елям на кладбище самое место. Во-первых, в тени под толстым слоем опавшей хвои плохо растут сорняки, и поэтому уборка могил в таких местах не требует особых усилий. А во-вторых, эти деревья обладают потрясающим свойством впитывать в себя негативную энергию. Придёт человек на кладбище в глубокой печали, сядет под ёлочку возле последнего пристанища близкого человека, посидит немного и уйдёт уже со светлой грустью, потому что дерево заберёт у него всё лишнее. Одна беда – накопительный ресурс этого аккумулятора не безграничен. Копится негатив в ёлочке,

копится, а потом она сбрасывает излишки на землю вместе с шишками и старой хвоей. Хорошо, если в лесу растёт или вот так вот – на кладбище. Вокруг ведь земля под ногами. Всё лишнее сгниёт и в землю уйдёт. А вот возле дома ёлки сажать не стоит, потому что жильё с землёй фундаментом связано, и вся пакость обратно выбирается. Ссоры и болезни от такой красоты намного чаще случаются, чем по естественным причинам. В городах ели вообще сажать нельзя, но по неверию и незнанию люди постоянно совершают эту ошибку.

Пока Юля усваивала новый объём информации, сторож успел добраться до дерева и похлопал ладонью по одной из нижних веток.

– Вот здесь он шарф свой и затянул. Вон, шерстинки красные до сих пор остались.

– Там? – Юля удивлённо вскинула брови и посмотрела на старую яблоню с толстыми ветками, которая росла рядом с могилами стариков Даниловых. – Мне сказали, что он на ближайшем дереве...

– Ну мне-то лучше знать, откуда я его на себе по сугробам ташил, – поморщился мужичок.

– Хм... Странно, – нахмурилась девушка и подошла ближе.

Она остановилась в паре метров от сторожа и посмотрела мужчине под ноги с твёрдой уверенностью, что он топчется по чьей-то могиле, но оказалось, что мужичок стоит

на тротуарной плитке аккуратной дорожки. Ошиблась? Нет. Она даже шаг вперёд сделать не рискнула бы, потому что внутренний голос буквально вопил о том, что в этом месте под дорожкой лежит неупокоенный мертвец. Давно лежит. Очень давно.

– А сколько лет этому кладбищу? – хмуро поинтересовалась она.

– Ой, мно-о-ого, – протянул сторож. – В западной части ещё позапрошлого века памятники найти можно, если знать, где искать.

– Позапрошлого? – недоверчиво покосилась на него Юля. – Это ещё до основания города что ли?

– Ну да, – кивнул мужичок. – Город-то на месте посёлка вырос. Посёлок при Советах строили. А до того здесь деревня была. И усадьба, на месте которой сейчас цементный завод находится. Вы не местная, да? Хотя, какая разница? У нас и местные-то не все историю родного города знают. Молодёжи так вообще на всё чихать с колокольни.

Слушать лекцию по истории родного города Юля точно не планировала, поэтому сфотографировала ель, поблагодарила сторожа за помощь и отправилась на остановку ждать автобус, который отвезёт её обратно в центр. Вроде бы и отошла от подозрительного места на приличное расстояние, но неприятное ощущение осталось. Аж мурашки по коже. И треклятый магический справочник бабки Зинаиды, как назло, заткнулся, наотрез отказываясь выдавать нужные под-

сказки. В прошлый раз, когда она возвращала на могилы неупокоенных взятую Андреем землю, такого не было. Тогда она точно знала, что вот здесь похоронен самоубийца, а вот тут лежит иноверец, но никаких посторонних ощущений при этом не испытывала. Единственное, что в тот раз заставило её волноваться – это полуразрушенный гранитный памятник прошлого века, куда её привёл осколок из коллекции Турина. Там – да, было почти так же неприятно. И находилось это жуткое надгробие на этом же самом городском кладбище, причём как раз в западной его части. А могила Сашиной мамы и роскошная ель – в северной, довольно далеко от захоронений даже прошлого столетия.

«Не пойду», – решительно сдвинула брови Юля и забралась в первую же подъехавшую маршрутку. Духота навалилась с новой силой, и девушка поняла, что её просто укачивает в общественном транспорте, откуда и плохое самочувствие. Пришлось смириться и терпеть, поскольку топтать пешком до дома было далековато. И если насчёт могилки неизвестного неупокоенного магическое наследие предпочитало помалкивать, то рецептов травяных сборов от токсикоза оно выдало сразу десятка два – выбирай на вкус. Юля выбрала тот, названия ингредиентов для которого были ей знакомы. Зашла в аптеку возле дома, купила всё необходимое, но в подъезде спустила коробки с травами в мусоропровод, поскольку поняла, что запах отвара и неожиданное присутствие в кухне этих симпатичных коробочек сработает на

Розу Антоновну как красная тряпка на быка. Пришлось идти в продуктовый магазин за лимоном – слабое подспорье при тошноте, зато безопасное с точки зрения потенциально-го морального ущерба от очередного скандала с матерью.

До возвращения Розы Антоновны с работы оставалось чуть больше часа, и Юлия решила потратить это время на небольшой онлайн-экскурс в прошлое города, где её угораздило родиться. Исторической информации о нужном ей периоде в Интернете было мало – в основном высказывали презентации и рефераты школьников. Википедия тоже практически ничем не помогла. Усадьба Ивенское до Революции, село Ивенское до Великой Отечественной войны, потом рабочий посёлок Ивнев, который за полвека разросся до масштабов небольшого провинциального города Ивнянска и долгое время славился производством отличных стройматериалов. В постперестроечный период почти все заводы оказались приватизированы, их владельцы со временем обанкротились, и теперь Ивнянск был ничем не примечательным захолустным городком. Даже население за последние годы прилично сократилось, потому что молодёжь искала более перспективные места для жизни.

Юлия нашла древние фотографии усадьбы, от которой теперь даже фундамента не осталось. Накопала информацию о том, что в конце девятнадцатого столетия по этим местам прогулялась оспа. Умерших от страшной болезни хоронили на отдельном кладбище, но имелось упоминание о священ-

нике, который отпевал их на свой страх и риск. В итоге этот священник заразился и тоже умер. Это она помнила ещё со школы – на уроке по истории родного края учительница рассказывала. Того кладбища уже давно нет, его сровняли с землёй в двадцатых годах прошлого века без перезахоронения. Теперь там стоят корпуса птицефабрики, на вонь от которых местные жители регулярно и безуспешно жалуются в областную администрацию. О том кладбище, которое стало центральным городским, Юля не нашла вообще ничего.

– Ох, Турин, как же ты мне сейчас нужен... – вздохнула она, закрывая одну за другой бесполезные вкладки в браузере.

Не прошло и минуты, как рядом с ноутбуком завибрировал поставленный на беззвучный режим смартфон, и на экранчике высветилось имя звонившего – Яна.

– Да? – приложила Юля аппарат к уху.

– Что у тебя случилось? – донёсся из динамика напряжённый голос Андрея, и девушка от неожиданности едва не выронила телефон.

– Ой, а я как раз о тебе сейчас думала, – пробормотала растерянно.

– Я слышал, – сообщил ей Турин.

– Слышал? – растерялась Юля.

– Отчётливо, – подтвердил Андрей, вогнав её в краску.

– Чёрт, надо как-то учиться это контролировать. Извини, пожалуйста.

– Что у тебя случилось? – сердито повторил он вопрос.

Юля вздохнула и поморщилась.

– Давай поговорим, когда вы приедете? Это не горит, правда.

– Нет, говори сейчас.

Снова тяжёлый вздох. Она хотела как следует подготовиться к этому разговору, чтобы при встрече правильно всё сформулировать, а теперь в голове была жуткая каша.

– Ну если вкратце, то я уже была беременна, когда снимала с Яны проклятие, и теперь не уверена, что с ребёнком всё в порядке. А Саша в психушке, потому что пытался повеситься на дереве, под которым похоронен какой-то жуткий неупокоенный, у которого даже могилы нет.

– И какая связь между этими двумя фактами? – сухо уточнил Турин.

– Никакой, кроме того, что я жду вероятно изуродованного откатом ребёнка от человека, которого кто-то тащит на тот свет, подсовывая ему галлюцинации о покойной матери.

Теперь вздохнул Андрей.

– Весело.

– Да уж куда веселее, – снова поморщилась Юля. – Без всего этого как-то попроще жилось. Но я не хотела втягивать тебя, честно. Просто мне нужно знать, всё ли с ребёнком в порядке. Врачи настаивают на аборте...

– А ты хочешь рожать?

– Я ещё пока сама не знаю, чего хочу, – призналась девуш-

ка. Услышала звук открываемого замка на входной двери и поспешила закончить этот неожиданный диалог: – Извини, не могу сейчас говорить. Мама с работы пришла.

– Никуда больше не лезь и до моего приезда ничего не предпринимай, хорошо? – попросил Андрей. – Мы послезавтра будем дома. Приезжай вечером.

– Ладно, договорились, – поспешно согласилась Юля и завершила вызов.

В прихожей раздался глухой стук отброшенной в сторону обуви и недовольный голос Розы Антоновны:

– Что за мода разуваться посреди квартиры? Юля! Иди сюда!

– Привет, – высунулась девушка из своей комнаты, мысленно готовясь к очередной нервотрепке, поскольку мать явно была не в духе.

– У тебя неделя, чтобы съехать отсюда, – заявила Роза Антоновна, снимая с ног полусапожки и не удостоив дочь даже взгляда.

– Куда съехать? – нахмурилась Юля.

– Куда хочешь. Я не собираюсь до конца жизни плакать по твоему скотине-папаше и не хочу, чтобы ты испортила мне ещё и эти отношения. Хватит, вы двое достаточно моей крови попили. Это моя квартира, и я буду жить здесь с мужчиной, которому на меня не наплевать, ясно? А где будешь жить ты, мне неинтересно. Большая уже девочка, хватит на моей шее сидеть.

– Мам, это уже явный перебор, – растерялась девушка.

– А меня твоё мнение не интересует, – с презрительной усмешкой посмотрела на неё мать. – Скажи спасибо, что прямо сейчас за порог не гоню. Но через неделю чтоб духу твоего здесь не было, поняла?

– Мам...

– Я всё сказала, – отрезала Роза Антоновна, сердито сдвинув брови. – Я свободная женщина и имею право на личную жизнь.

К этому откат от разрушившегося защитного колдовства уже не имел никакого отношения – это было отчаяние брошенной супругом женщины. Временная мера. Попытка заткнуть образовавшуюся пустоту кем-то другим. Отомстить. Доказать всем, что после развода жизнь не заканчивается, и всегда найдётся тот, кому ты нужен. Спорить бесполезно – только хуже будет. Единственное, что Юле оставалось в данной ситуации – это надеяться, что мать не приведёт в свой дом какое-нибудь чудовище, которое обнаглеет и начнёт вытирать об неё ноги.

– Хорошо, я съеду, – упавшим голосом согласилась она и закрылась в своей комнате, чтобы провести остаток вечера в размышлениях о том, как и где жить дальше.

Мало было проблем? Получи новые. О том, что принесёт завтрашний день, Юля старалась не думать – явно ничего хорошего. Но хотя бы скоро вернутся Турины, и можно будет напроситься пожить в той деревенской развалюхе, которую

приобрела Яна. А чем не вариант? На другие-то денег всё равно нет.

Глава 3

Телефон зазвонил почти сразу же после того, как Юля закрыла за собой дверь. Номер неизвестный, но она ждала звонка от Сашиного доктора, поэтому ответила, не раздумывая. Не ошиблась – звонил действительно Морозов. Сказал, что взвесил все «за» и «против», оценил возможные последствия и пришёл к выводу, что встреча с бывшей невестой его пациенту не противопоказана.

– Мне хотелось бы увидеть хоть какую-то реакцию на внешние раздражители. Я даже согласен на отрицательную, если она будет ярко выраженной.

– То есть всё совсем плохо? – скорее констатировала, чем спросила Юля.

– Вы меня, конечно, извините, но я не привык нарушать правила. Плохо, да, поэтому я и разрешаю вам приехать, но не ждите от меня большего. Историю его болезни я вам почитать не дам.

Они договорились, что Юля приедет к одиннадцати, поскольку прогулка у пациентов, которым не показана полная изоляция от общества, начинается именно в это время.

– Только сразу хочу предупредить, что на территорию вас не пустят. Это мера предосторожности, извините. С Александром вы будете общаться только в моём присутствии, поэтому позвоните, когда приедете.

Ей-то какая разница, с глазу на глаз они будут общаться или под присмотром толпы санитаров? Юля теперь вообще не была уверена, что ей нужна эта встреча. Зачем? Если бы это была просто очень глубокая депрессия, то можно было бы рассчитывать на то, что новость о ребёнке станет для Саши якорем, который удержит его от дальнейших попыток свести счёты с жизнью. Но ведь это не так. Он не болен, хотя раньше Юля и считала, что у него поехала крыша. Теперь же она была склонна полагать, что крупно ошиблась.

Если предположить, что Сашу действительно тянет на тот свет какая-то потусторонняя сила, то его отвратительному поведению было очень простое объяснение – он любит Юлю. По-настоящему любит, всем сердцем. Тянется к ней, как утопающий к соломинке. Подсознательно ищет спасения, потому что не понимает, что происходит. А там, по ту сторону, кого-то очень сильно злит эта любовь, поскольку она мешает получить желаемое. Саша бесился не потому, что спятил – он просто не отличал свои собственные желания и цели от навязанных. И в петлю он полез не по своей воле. Астральный паразит, который руководил его поступками до смерти Светланы Борисовны, был ангелочком с крылышками по сравнению с проблемой, которая назрела сейчас. Сущность можно прогнать, а вот как избавиться от влияния обитателя мира мёртвых – этого Юля не знала. Она пообещала Морозову, что приедет, только по одной причине – хотела убедиться, что не ошиблась в своих предположениях. А ещё рассчиты-

вала на магическое наследие Зинаиды Трофимовны, которое при близком контакте с проблемой обычно выдавало нужные подсказки. На кладбище, правда, оно почему-то предпочло помалкивать, но Юлия списывала это на своё неумение управлять тем, что получила в пожизненное пользование без инструкции по эксплуатации.

Спать она легла рано. Завела будильник на восемь часов утра – лучше приехать в психушку с опозданием, чем с утра цапаться с матерью из-за какой-нибудь ерунды. Роза Антоновна уходила на работу не позже половины восьмого, а то и раньше, поэтому восемь – самое то. Заснуть не могла долго. Неожиданная дневная тошнота прошла, но утром снова предстояло трястись в автобусе, причём довольно долго, поэтому Юлия пыталась придумать, как избежать неприятных ощущений в дороге. Пока думала, проголодалась. Сходила в кухню, попила чай с сушками и снова забралась в постель, мысленно сетуя на то, что очень хотелось бы обойтись без вот этих вот всех прелестей «интересного положения».

* * *

– Деда, ты скоро?

Звонкий детский голосок эхом отразился от толстых, влажных брёвен, и Юлия подняла голову вверх, потому что звук шёл оттуда. Далеко вверх на фоне светлого квадрата было видно какое-то сооружение, а под ним маячило округлое личико девочки лет семи-восьми, обрамлённое тёмными

кудряшками.

– Мамку зови, помощь нужна, – пробасил кто-то сбоку.

Юля шарахнулась в сторону и прижалась спиной к брёвнам, только сейчас заметив, что стоит по пояс в воде. Ни всплеска, ни волнения – её резкое движение никак не отразилось на водной глади. Зато от бородатого старика, одетого в мешковатую рубаху с закатанными выше локтя рукавами, волны шли во все стороны, ударялись о стены и возвращались назад.

– Ох, Егорушка... Кто ж это тебя так? – вздохнул старик, поднимая из воды на руки распухшее детское тельце.

Юля зажала рот двумя руками, чтобы не закричать. Мальчик был совсем маленький – года четыре, не больше. Сначала она подумала, что ребёнок утонул, упав в этот глубокий колодец, а потом увидела жуткую рану на его светловолосой головушке, но яркая вспышка ослепила и заставила зажмуриться. Детский плач, мелькание лошадиных копыт, грохот, мужские голоса... Тихие всхлипы убитого горем старика, прижимающего мокрое, холодное тельце к своей груди.

– Не-е-ет! – истошно завопила сверху какая-то женщина.

Юля села в постели и широко распахнула глаза. Сердце колотилось в груди часто-часто, и пришлось сделать несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться. Настолько ярких ночных кошмаров она не видела уже очень давно. Но даже в тех, которые ей снились, олицетворением зла всегда был самый жуткий детский страх – двоюродная бабка Туриных

Зинаида Трофимовна. В этом сне вроде бы и зла никакого не было, но сам момент и этот ребёнок... Всё было настолько чётким и детальным, что Юле казалось, будто она до сих пор чувствует влажный запах полусгнившей древесины.

– Кошмаров мне только не хватало для полного счастья, – проворчала она в утренний полумрак и выбралась из-под одеяла.

Часы на экране смартфона показывали двенадцать минут седьмого. С кухни доносились шум и запах яичницы – Роза Антоновна готовила себе завтрак. Юля постояла немного перед дверью своей комнаты, решая, хочет ли она нарываться на утреннюю нервотрёпку, а потом потянула за дверную ручку, бормоча себе под нос интерпретацию старой рекламы: «Нервы – ничто. Жажда – всё».

– Доброе утро, мам, – бросила через плечо, входя в кухню, и налила в кружку холодную воду из крана.

– Для тебя оно, может, и доброе, тунейдка несчастная, – зло проворчала мать, выкладывая свой завтрак на тарелку. – Мама денег дай, мама поесть приготовь, мама посуду помой...

– Слушай, хватит уже из меня чудовище делать, – начала раздражаться Юля. – Я за последний месяц у тебя ни копейки не попросила. Продукты покупаю, еду готовлю. И посуду, кстати, мою, так что не надо мне предъявлять то, чего нет. Тебе придаться не к чему?

Тарелка с громким стуком опустилась на стол.

– Знаешь, что, дорогая моя...

– Не знаю, мам, и знать не хочу, – перебила её Юлия. – У меня терпение тоже не резиновое. Если уж я всё равно отсюда съезжаю, то давай хотя бы в оставшиеся несколько дней сделаем вид, что не замечаем друг друга, ладно? Надоело уже бред этот выслушивать.

– Бред?! – возмутилась Роза Антоновна, явно намереваясь продолжить дискуссию.

– Приятного аппетита, мам, – поморщилась Юлия и вернулась в свою комнату прямо с кружкой, поскольку опасалась, что не сдержится и выплеснет на мать всё, что накопилось за последнее время.

С кухни послышался звон разбившейся тарелки, а минут через пять громко хлопнула входная дверь. Юлия посмотрела на часы – шесть двадцать. Она даже думать не хотела о том, куда мать направилась в такую рань. Хочет показательно психовать? Пусть, раз уж других развлечений себе придумать не может. «Живи здесь столько, сколько хочешь», – вспомнила девушка слова Яны, сказанные пред отъездом в Ярославль, и подумала: «А почему бы и нет? Зачем ждать их возвращения, если разрешение уже есть?»

Вещей в шкафу было много, но она решила взять только самое необходимое, а за остальным вернуться позже. Что нужно на пару дней? Смена белья, запасные джинсы и свитер, куртка на случай, если вдруг похолодает, личные предметы гигиены. И ноутбук, естественно. Есть в той деревне

Интернет или нет, Юля не знала, но эта проблема была решаемой – всегда можно найти место, где он есть. Заказчик ведь не обязывал её находиться на связи постоянно.

Сумка получилась не слишком тяжёлой, но, памятуя о своём вчерашнем разбитом состоянии, Юля решила не таскать её с собой по всей области. А вдруг опять плохо станет? Уронит сумку, разобьёт ноутбук – работать потом как? Решила вернуться за вещами после поездки в облцентр. Позавтракала бутербродом и горячим чаем, оделась и отправилась по своим делам, оставив осколки разбитой матерью тарелки там, где они и лежали. «Пусть сама убирает, когда с работы придёт, раз уж я такая бессовестная тунеядка», – думала обиженно.

Укачивать её начало ещё в маршрутке по дороге на автовокзал, поэтому на месте Юля приобрела пакетик с кислыми карамельками и бутылочку негазированной солёной минералки. До психбольницы доехала сносно – повезло со свободными сидячими местами близко к дверям в двух следующих автобусах. Погода в этот раз тоже порадовала – ночью прошёл сильный дождь, парить перестало, и майский воздух опять радовал ароматной свежестью, которая обдавала приятной прохладой на каждой остановке, когда водитель открывал дверь. Без десяти одиннадцать Юля уже стояла на широких ступенях административного корпуса больницы и ждала, когда за ней спустится доктор Морозов.

– Здравствуйте, Юлия Павловна, – поприветствовал её

Геннадий Алексеевич без тени улыбки. – Ну что? Готовы?

– Смотря к чему, – спокойно отозвалась Юля.

Она оказалась не готова. Юля рассчитывала, что встреча с Сашей будет проходить на свежем воздухе, раз уж в это время пациентам положена прогулка, но доктор повёл её через больничный двор в один из корпусов, атмосфера внутри которого была ужасающе гнетущей. Зато там было тихо и совсем непохоже на кадры из художественных фильмов, где психи постоянно орут, бубнят и слоняются по коридорам.

– Как в склепе, – констатировала Юля, поправив накинутый на плечи белый халат.

– Это проекция вашего представления об этом месте на восприятие действительности, – пояснил Морозов. – На самом деле эта больница мало чем отличается от других. Хотя, после того, что вам пришлось пережить, вам, наверное, любая больница не по душе.

– Навели обо мне справки? – нервно усмехнулась Юля, старательно отгоняя от себя липкое чувство чужой безысходности.

– Иначе нельзя, – коротко отозвался доктор, открыл железную задвижку на двери палаты номер восемь и пропустил Юлю вперёд. – Прошу.

Лучше бы она не приезжала. При виде распростёртого на кровати Саши, капельницы и фиксаторов, которыми были пристёгнуты к железному остову его руки и ноги, Юле стало дурно.

– На прогулку его прямо так и выкатывают? – нахмурилась она. – Почему он пристёгнут?

– Потому что я псих, – донёсся со стороны кровати слабый голос. – Ты зачем сюда припёрлась?

– Ну ты же сказал, что я могу приехать, если ты мне нужен, – осторожно произнесла она, одарив доктора негодующим взглядом. – Это не Сургут, конечно, зато ехать далеко не надо.

– Уходи.

– Не уйду, – упрямо покачала она головой, присела на край кровати с противоположной от капельницы стороны и положила свою тёплую дрожащую ладонь на его холодную и неподвижную.

– Тоже решила в мозгах у меня покопаться и наставить на путь истинный? – равнодушно уточнил Саша, глядя пустым взглядом сквозь неё.

– Нет, – снова покачала Юля головой, глубоко вдохнула и выдохнула: – Я приехала сказать, что у нас будет ребёнок.

– Нет, – прозвучало в ответ без тени эмоций.

– Да, – возразила девушка. – В тот вечер после того, как мы заявление в ЗАГС подали... Помнишь?

– Нет. Я был пьян.

– Ты не хочешь этого ребёнка?

– Нет.

– Мне аборт сделать?

– Делай что хочешь. Мне всё равно. Я уже умер.

Юля сердито поджала губы, лихорадочно соображая, что бы ещё ему сказать. Она была права – это не Саша. Ощущения странные, будто она и правда с мертвецом разговаривает. Какая-то подсознательная уверенность, что Сашина личность спрятана где-то очень глубоко внутри этого худого тела, а за него говорит кто-то другой.

– Твой папа завёл щенка и назвал его Филимоном, – вспомнила девушка.

Реакции не последовало. Морозов вздохнул и подал Юле знак, что пора уходить – не видел смысла продолжать этот заведомо обречённый на провал эксперимент. Она кивнула и встала с кровати, но неожиданно для самой себя вдруг произнесла:

– Егорушка тоже очень сильно любил свою маму, но нехорошие люди сбили его насмерть повозкой, а потом, пока никто не видел, бросили в колодец.

Геннадий Алексеевич удивился услышанному не меньше, чем Юля сказанному ею же. Она не хотела этого говорить. Вообще не думала о том ночном кошмаре, но треклятое магическое Я решило вдруг, что именно эти слова именно в этот момент будут уместными. И, что удивило её и доктора ещё сильнее, они возымели действие. Взгляд Саши стал осмысленным и полыхнул ненавистью. Руки сжались в кулаки. Он дёрнулся в попытке вскочить, но фиксаторы не позволили это сделать. Из груди молодого человека вырвалось глухое рычание, а потом в адрес Юли зазвучала отборная брань

впереमेжку с угрозами. Она на всякий случай отошла подалеже от кровати и растерянно посмотрела на Морозова.

– Выйдите, пожалуйста, – попросил доктор, и Юля послушно выскользнула из палаты.

В коридоре она присела на кушетку, сосредоточилась на Сашиных мыслях, и на её сознание сразу же обрушился шквал громких незнакомых голосов и ярких жутких картинок. Всё это мелькало короткими обрывками, из которых складывался кошмарный сюжет – разъярённая толпа забила кого-то камнями и ещё живого сбросила в колодец. Кажется, колодец был тот самый, который Юля видела во сне, но утверждать это с полной уверенностью она бы не стала, поскольку в этот раз сверху сыпались тяжёлые булыжники, и на светлый квадрат она смотрела уже сквозь толщу мутной воды.

В нос ударил едкий запах нашатыря.

– Юля... Юлия Павловна, вы меня слышите?

– Фу, уберите эту гадость, – поморщилась она, отодвигая от себя руку медсестры, которая прибежала спасать беременную посетительницу от обморока. – Нормально всё со мной.

– На каком вы сроке? – хмуро уточнил Морозов.

– Девять недель.

– Часто сознание теряете?

– Вы что, меня тоже лечить собрались? Это первый обморок за всю беременность. Переволновалась просто, и у вас тут душно.

– Душиновато, согласен, – доктор протянул ей руку и помог сесть, поскольку Юля когда-то успела разлечься на кушетке. – Пройдёмте в мой кабинет? Там свежее. И я хотел бы задать вам несколько вопросов, если вы в состоянии и не возражаете на них ответить.

Юля не возражала, но, как выяснилось, уверенно передвигаться была не в состоянии. В глазах рябило, в ушах шумело... «Дурацкая телепатия!» – поняла она, сделав несколько шагов, и заставила свой дар убраться из Сашиной головы. Сразу же стало намного легче.

В кабинете доктора и правда было свежо, поскольку кто-то заботливо приоткрыл окно. Геннадий Алексеевич усадил Юлю на стул, налил для неё воды из графина в высокий стакан, занял своё место за столом и поинтересовался:

– Кто такой Егорушка?

– Мёртвый маленький мальчик из моего ночного кошмара, – честно призналась Юля. – Извините, но у меня нет объяснения тому, что Саша отреагировал на это имя. Я просто ляпнула первое, что пришло в голову, чтобы хоть что-то сказать.

– Мне кажется, реакция была не на само имя, а на всю картину в целом, – высказал свои предположения Морозов. – Интересный эффект, особенно если учитывать, что я уже больше месяца жду от этого пациента хоть каких-нибудь эмоций.

– Вы бы поменьше его лекарствами пичкали, тогда и эмо-

ции были бы, – проворчала Юля. – Зачем его привязали к кровати?

– Он отказывается от пищи, – сообщил доктор. – Приходится кормить внутривенно, но капельницы его тоже не устраивают, поэтому и привязываем. Это временная мера. Большую часть времени ваш молодой человек относительно свободен. Он не буянит, просто не даёт персоналу выполнять назначения. Вы не переживайте, его никто здесь не обижает. Скажите, а давно у него изменилось поведение? Я спрашивал у отца, но он, кажется, вообще очень мало знает о своём сыне.

Юля прекрасно понимала, что никакая информация сейчас не принесёт Саше ощутимой пользы, но нужно было что-то ответить, поэтому она решила рассказать историю своих отношениях с женихом так, как это могло выглядеть со стороны.

– Саша был очень сильно привязан к своей матери. Я ей не понравилась, и мы расстались. Потом я по глупости залезла ночью во двор его дома, а Светлана Борисовна увидела меня и попыталась задушить. Через два дня её убили. Саша нашёл тело, но его же в убийстве и обвинили. А он, кажется, винил меня. Потом нашли настоящего убийцу, и Сашу отпустили.

– Вы тоже были в числе подозреваемых? – уточнил Морозов.

Юля пожала плечами.

– Официально вроде бы нет. Я свидетелем по делу прохо-

дила. А следователь застрелился ещё до суда.

– Негодин, – кивнул доктор. – Я в курсе этой истории. Профессиональный интерес, знаете ли. То есть, вы с Александром на момент смерти его матери уже не общались?

– Нет, – покачала Юля головой. – Мы и потом начали общаться уже после того, как я из комы вышла. Тогда уже начались странности в его поведении, а раньше... Не знаю. Он ведь пить начал сильно, хотя до этого даже по праздникам не всегда выпивал.

– А какого рода странности вы замечали?

– Ну... Как бы это объяснить попроще... – замялась Юля. – Он приходил чуть ли не каждый день с цветами и подарками, в любви клялся, заботу проявлял, а сам иногда так на меня смотрел, будто ненавидел. И когда предложение второй раз делал... Даже вспоминать этот день не хочу, честно. Я тогда с перепугу согласилась. Мне кажется, он свою погибшую мать моей заменить пытался, а ко мне не испытывал ничего, кроме ревности.

– Значит, реакция всё-таки была на слова о том, что Егорушка маму очень сильно любил, – кивнул Морозов. – Вы знали, что Александр часто бывал на кладбище у могилы матери?

– Знала, что он туда ездит время от времени, но ведь это нормально, разве нет? – сделала Юля вид, что ничего не знает.

– Нормально, когда не ежедневно, – вздохнул Геннадий

Алексеевич. – Ладно, картина вроде бы ясна, хотя ничего нового я от вас не услышал. Случай тяжёлый, конечно, но будем надеяться, что справимся. Вы, я так понимаю, сюда больше не приедете?

– А надо? – кисло усмехнулась девушка. – Вы же сами слышали, что ему наплевать на меня и на ребёнка. Приезжать только ради того, чтобы его позлить?

– Он успокоился сразу же, как потерял вас из виду, – сообщил Морозов. – Расслабился, уставился в потолок и потерял ко всему интерес. Я бы попросил вас приехать ещё раз через несколько дней. Хочу посмотреть на разницу в эмоциональной реакции. Как вывести его из равновесия, я теперь знаю, но мне кажется, что здесь всё-таки комплекс раздражителей сработал.

– Не хотелось бы, конечно... – поморщилась Юля. – В моём положении нервничать вроде как вредно, а здесь у вас, извините, не особенно уютно.

– Жаль, – вздохнул доктор. – Ну что ж, не смею вас задерживать, Юлия Павловна.

– Я приеду, но с другом, – поставила она условие. – Мне с ним спокойнее будет.

– Это ваш общий знакомый? – уточнил Морозов.

– Нет, Саша его не знает.

– А ваши отношения с этим другом...

– Мы просто друзья. И разыгрывать влюблённых перед Сашей не будем, если вы на это намекаете, – нахмурилась

Юля.

– Нет, я на сцену ревности не рассчитываю, – улыбнулся Геннадий Алексеевич примирительно. – Из любопытства спросил, извините. Мне показалось, что вы одинокая и несчастная девушка, но я искренне рад, что у вас есть друзья, которые могут поддержать в трудную минуту.

На этом они и распрощались. Юля пошла на автобусную остановку, радуясь, что удалось подготовить почву для визита сюда с Туриным, а Морозов вернулся в палату к Саше, чтобы попытаться повторить эксперимент. Разговаривал с пациентом о его невесте и будущем ребёнке, в разных сочетаниях использовал слова «мама» и «Юля», но за час добился только одного результата – Александр попросил больше не пускать к нему эту девушку. На вопрос «Почему?» доктор получил равнодушный ответ:

– Она ведьма.

Глава 4

Понятие «одержимость» растяжимое и многогранное, но во всех контекстах толкование у этого термина одинаковое – полное подчинение. Морозов смотрел на Сашу глазами врача, специалиста по умственным отклонениям от нормы, поэтому видел только одержимость желанием умереть. И причины этого желания искал там, где принято их искать в таких случаях – в личном окружении, в реальности. Юля видела ситуацию совсем с другой стороны, но, увы, указать доктору на ошибочность его суждений не могла.

Она и сама ещё пока не совсем отчётливо представляла себе, с какого рода одержимостью имеет дело. Существует всего два мира: мир живых и мир мёртвых. Между ними расположен Астрал – это вообще не мир, а своего рода проходная комната, имеющая двери в оба мира. Обитатели Астрала не живые и не мёртвые, и в них нет ничего человеческого. Энергетические паразиты – только один из видов существ, там обитающих, но в Сашу вцепился точно не паразит. Это было что-то другое. Что-то из мира мёртвых.

Магическая память будто бы решила поиграть со своей обладательницей в угадайку. Она не давала точных ответов, хотя они наверняка были. Юля делала предположения, которые сразу же отвергались с объяснением, почему она не права. Призрак? Нет. Призраки – это души умерших людей.

Упокоенные обретают покой в мире мёртвых и от живых уже ничего не хотят. Неупокоенные застревают в Астрале и очень сильно хотят обрести тот самый покой, поэтому и беспокоят живых, ища помощи. У них одна цель – упокоиться. Ни те, ни другие никого за собой утащить не пытаются, им это не нужно. Со временем неупокоенные утрачивают свою единственную цель и человечность. Они становятся астральными сущностями, которым тоже незачем заманивать живых в мир мёртвых. Но если это никому не нужно, то почему происходит?

Несмотря на обилие знаний по устройству миров, Юля никак не могла понять источник проблемы. Как накануне на кладбище – ощущения есть, а объяснения им нет. Всю дорогу до родного города жевала кислые карамельки и думала, думала, думала... Надумала только одно – сходить в церковь. Верующей она себя никогда не считала, но точно знала, что добровольный отказ от жизни считается ужасным грехом, и самоубийц не отпевают. Захотелось пообщаться с кем-нибудь, кто разбирается в упокоении лучше неё.

Искать Храм даже не пришлось – неподалёку от автовокзала имелся. Запах внутри Юле не понравился, поскольку всколыхнул неприятные детские воспоминания. Не ладан – восковые свечи. Заставляя свою подопечную молиться, Зинаида Трофимовна жгла церковные свечки в большом количестве, и где-то в подсознании до сих пор осталась выстроенная ещё в детстве взаимосвязь между запахом и чувством

страха. Наверное, именно поэтому Юля даже в сознательном возрасте старалась обходить церкви стороной – там всегда пахнет восковыми свечами.

– Здравствуйте. Мне бы с батюшкой поговорить, – обратилась она к женщине, сидящей в церковной лавке.

– А нет его, в епархию уехал, – сообщила собеседница. – Ты по какому делу-то?

– По личному, – вздохнула Юля. – Спасибо. Извините за беспокойство.

– Да Господь с тобой! Какое беспокойство-то? – улыбнулась женщина. – Тебя как звать-то?

– А что? – насторожилась Юля.

– Да бледненькая ты совсем. Я попрошу отца Николая, чтобы он сорокоуст за твоё здоровье почитал. Платить не надо ничего, просто имя скажи, я запишу.

Женщина оторвала квадратный листочек от бокса бумаги для записей, взяла карандаш и подняла вопросительный взгляд на посетительницу. Юля открыла было рот, чтобы назвать своё имя, но почувствовала какой-то внутренний протест и произнесла:

– Александр. Мне не нужно, а ему сейчас любая помощь пригодится. И я заплачу, сколько нужно.

– Нисколько не нужно. Болеет? – сочувствующе уточнила собеседница, записывая на листочке имя.

– Если бы, – вздохнула Юля. – Жить ему расхотелось.

– Ты поэтому пришла, да? – нахмурилась женщина.

– Угу, – кивнула девушка.

– Грех это великий. Человек должен жить столько, сколько ему отпущено. Через все испытания пройти, ему уготованные. Не мы себе свою жизнь даём, не нам и решать, сколько ей длиться.

– Да это-то я знаю, – кивнула Юля. – Я вот только понять не могу, чем убийство с точки зрения греха от самоубийства отличается. Почему убийцам вечный покой положен, а самоубийц наказывают отсутствием упокоения. Разве распоряжение чужими жизнями – это не такое же присвоение себе роли Бога?

Женщина в лавке несколько раз моргнула, подыскивая логичный ответ на этот простой вроде бы вопрос, но, судя по всему, так и не нашла.

– Это тебе точно с отцом Николаем поговорить надо. Часа через два приходи, он к этому времени уже должен вернуться.

– Ясно. Спасибо, – снова вздохнула Юля.

Зачем она задала этот вопрос? Не собиралась ведь. О другом спросить хотела, а это как-то само собой вырвалось. Подсознательное возмущение церковной несправедливостью по отношению к грешникам, у которых грехи по сути своей одинаковые, но результат разный. Или в этом был какой-то смысл? В психушке она ведь тоже не собиралась говорить про Егорушку, но сказала. От всего этого голова уже шла кругом. И не только от этого, а ещё и от голода, поскольку с

утра Юля ничего, кроме бутербродов, не ела. Тошнота тошнотой, но организм-то поддерживать надо.

Выбор был невелик – по дороге наскоро перекусить какой-нибудь гадостью, от которой наверняка взбунтуется желудок, или нормально поесть дома суп собственного приготовления. Возвращаться в церковь Юля намерения не имела – в деревне, куда она собиралась временно перебраться, тоже имелся небольшой Храм, за консультацией можно было и туда сходить. Только что-то ей подсказывало, что магическое Я во время беседы со священнослужителем снова выкинет какую-нибудь злую шутку, за которую потом будет стыдно. Добралась до дома, разогрела небольшую порцию супа в микроволновке, поела. Нужно было поработать, но на это ушло бы много времени, а она хотела уехать до возвращения матери с работы. Забрала сумку, вздохнула, представив себе очередную тряску в автобусе, и вызвала такси.

* * *

Андрей злился не на Яну, а на своего бывшего работодателя. Эту деревенскую развалюху Турин выкупал на агентство у прежнего владельца лично. Приезжал с оценщиком, поэтому точно знал максимально возможную рыночную цену. Яна переплатила вдвое больше этой максимально возможной цены. Её перед сделкой даже не предупредили о недостатках вроде протекающей крыши, неисправной системы отопления и всего остального. Этот дом вообще не дол-

жен был оказаться в каталоге агентства. Его выкупили только потому, что прежний хозяин приходился каким-то дальним родственником директору. Причём за бесценок выкупили, даже не по рыночной стоимости. Три года на балансе висел мёртвым грузом, и вот наконец-то нашлась доверчивая покупательница. Теперь даже через суд ничего не докажешь – сестра подписала договор, не читая, а там было написано, что она обо всех недостатках уведомлена и претензий к состоянию объекта не имеет. Чистая сделка, не подкопаешься.

Яна не привезла с собой в Ярославль документы по сделкам, поэтому Андрей знал обо всём с её слов, и возможность ознакомиться с текстами договоров получил только сейчас. Обязательство о продаже его доли в праве собственности на городской дом было составлено, мягко говоря, неправильно. Точнее, не совсем законно. На мошенничество не тянуло, конечно, но оспорить этот документ труда точно не составит – в этом Андрей был уверен абсолютно. Долю Яны тоже можно было вернуть, поскольку по закону она должна была уведомить сособственника о продаже. Будь Андрей мёртв, было бы сложнее, поскольку у владельца агентства есть нужные знакомства, а у Яны таких связей нет, и она потеряла бы всё. Но он, к счастью, жив, а срок исковой давности пока ещё не истёк. Волокита, суды... Неприятно, конечно, это всё, но отдавать родительский дом в загребушие руки своего бывшего начальника Турин точно не собирался. Не захочет решать проблему мирным путём – будет суд. А деньги... Учитывая,

сколько содрали с Яны за аварийный деревенский дом, большую часть аванса, полученного за свою долю городского, она уже вернула. С авансом, кстати, там тоже всё очень хитро выкрутили. Андрей знал, что его бывший работодатель не чист на руку, но чтобы настолько... Мерзко – не то слово.

– Так всё плохо? – поморщилась Яна, наблюдая за тем, как меняются эмоции на лице брата.

– Знаешь, я, наверное, своё собственное агентство открою, когда мы это всё разрулим, – Андрей сложил документы в папку и тяжело вздохнул. – Не думал, что у них на подобное свинство хватит совести.

– Да это я виновата, – потупилась Яна. – Я же не понимаю ничего во всех этих формулировках.

– Вот именно, – кивнул он в ответ. – Юристы для того получают образование, чтобы защищать интересы тех, кто ничего в законах не понимает, а не для того, чтобы облапошивать наивных и доверчивых клиентов.

– Просто ты идеалист, – виновато улыбнулась ему сестра. – Умение обходить законы тоже высоко ценится. Как тебя раньше не уволили из этой конторы, правильного такого?

– Самому надо было уволиться, причём давно, – снова вздохнул Андрей. – Ладно, проехали. Первым делом решим вопрос с моим воскрешением, а потом уже будем другие проблемы решать. Ты в грузоперевозки звонила?

– Завтра после обеда будет машина, – сообщила Яна. – Если не хочешь здесь ночевать, можем собрать, что нужно,

и я Рината попрошу, чтобы он нас отвёз в город.

– А моя машина где?

– Не знаю, – покачала она головой. – Наверное, там, где ты её оставил. Мне ключи только отдали в морге. Вместе с документами твоими и вещами.

– Значит, она так и стоит возле дома Карманникова, – кивнул Андрей. – Надо будет Скифа твоего попросить, чтобы перегнал.

– А ему можно разве? – удивилась сестра.

– Да кому угодно можно. Страховка открытая. Были бы у тебя права, сама каталась бы.

– Ой, нет. Я боюсь. Вот восстановим твои, и...

– Тихо! – шикнул на неё Андрей, нахмурился и вроде как прислушался.

– Что? – шёпотом спросила Яна.

– Да не шепчи ты, помолчи просто минутку, – попросил он и после минутной паузы заявил: – Юля приехала.

– С чего ты взял? – настала очередь Яны хмуриться.

– Я её чувствую. Не здесь, но где-то недалеко.

– Да? – недоверчиво покосилась на него сестра, встала из-за стола и вышла на улицу, чтобы проверить ощущения Андрея.

Во дворе Юли не было. За калиткой в пределах видимости тоже. Яна вышла на дорогу и посмотрела в ту сторону, где располагалась остановка, но увидела только двух стариков и женщину, которые неторопливо брели по разбитому

асфальту. С пакетами и сумками – значит, с автобуса. Юля молодая и шустрая, она уже давно опередила бы этих тихих, если бы действительно приехала.

– Нет её там, – сообщила Яна брату, вернувшись в дом. – Тебе показалось.

– Нет, не показалось, – возразил Андрей и решительно направился к двери.

– Я тебя обратно на себе не потащу, – предупредила Яна. – Ты тяжёлый.

С улицы слышался звук подъехавшего к дому автомобиля. Через несколько мгновений хлопнула автомобильная дверь, и машина поехала дальше. Андрей сменил направление движения и подошёл к окну. Отодвинул в сторону занавеску, поманил Яну пальцем.

– Ну ты даёшь! – изумлённо пробормотала она, наблюдая за идущей к дому гостьей. – Это ж откуда ты её почувствовал?

– Не знаю, – нахмурился Андрей. – Меня больше интересует, что ей здесь понадобилось. Мы же договорились завтра вечером в нашем городском доме встретиться.

– Может, забыло что-то? – предположила Яна. – Я же ей здесь жить разрешила. Не знаю, пользовалась она этим разрешением или нет... Да чего теории строить? Сейчас у неё и спросим. Что-то она бледная совсем.

– Зелёная, я бы сказал, – проворчал Андрей и всё-таки пошёл к входной двери.

Сестра заторопилась следом, движимая заботой о неожиданной, но приятной гостье. Когда они с Андреем приехали, ключ от дома был спрятан на перекладине над крыльцом, а сейчас он торчал в замке с внутренней стороны двери. Яна волновалась, что Юля не догадается проверить, открыта ли дверь, но ошиблась.

– Ой... – растерянно моргнула Юля, увидев в маленькой прихожей обоих Туриных. – Привет. А я думала, что кто-то посторонний в дом залезть успел, пока здесь не было никого. Вы же вроде бы завтра...

Она не закончила фразу, потому что внезапно побледнела ещё сильнее, зажала рот рукой и метнулась за угол дома. Яна протиснулась мимо брата и заспешила в том же направлении. Андрей пару минут постоял перед распахнутой настежь дверью в хмурой задумчивости, после чего вернулся в дом, прихватив с крыльца спортивную сумку и пакет с продуктами, которые привезла гостья.

Непривычное ощущение – радоваться встрече с совершенно чужим человеком так, словно очень долго ждал этого момента. Разве он ждал? Нет. Совсем наоборот. Он не хотел встречаться с этой девушкой. Понимал, что рано или поздно это всё равно случится, поскольку сестра была от Юли в полном восторге, но предпочёл бы вообще никогда её больше не видеть. Какой смысл? Всё ведь и так уже встало на свои места. Фролова – наследница Зинаиды. Она была всего лишь частью головоломки, придуманной выжившей из ума стару-

хой. Всё кончено. Юля сняла проклятие с Яны и каким-то образом избавила его, Андрея, от последствий гнева двоюродной бабушки. Не имеет значения, как именно она это сделала – важен результат. Ломать голову над тем, в чём же на самом деле состоял коварный замысел старухи, что означали её слова об искуплении, и почему всё сложилось именно так, а не иначе, Андрей больше не собирался. Хватит. Две трети жизни на этот Ад было потрачено. Прошрое осталось в прошлом, а впереди ещё уйма проблем, которые нужно решить. И было бы просто замечательно, если бы Юля в число этих проблем не входила.

Да, он видел в ней проблему. Она сама по себе – сплошная неприятность с неисчерпаемым запасом сюрпризов. Непредсказуемая, взбалмошная, скорая на необдуманные решения. От таких людей в принципе лучше держаться подальше.

– Андрей, что-то случилось?

Он перестал мерить шагами комнату и поймал на себе взволнованный взгляд сестры.

– Что, прости?

– Я спрашиваю, почему ты мечешься туда-сюда? – уточнила Яна. – Что-то случилось? Если за Юлю переживаешь, то зря. У беременных так бывает. Подышит сейчас минут пять, и придёт в норму.

– Ты не спросила, почему она приехала?

– Да как-то не до этого было, знаешь ли.

Яна сходила в кухню, налила в стакан воды и вернулась к

гостье, а Андрей сел на стул возле стола и заставил себя успокоиться. Глупо получилось. Куда подевался его хваленый самоконтроль? И зачем искать источник проблемы снаружи, если уже давно понятно, что он внутри? Да, он волновался за Юлю. Сначала только потому, что видел в этой девушке инструмент для избавления от проклятия. Только поэтому старался оберегать. А теперь... С тех самых пор, как очнулся, дня не проходило, чтобы он не думал о ней. Ждал каждого её звонка. Напускал на себя равнодушие, когда сестра передавала ему привет. Делал вид, что ему это неинтересно, но на самом деле переживал. И не позволял себе общаться с Юлей, поскольку понимал, что его чувства к этой девушке уже давно преодолели границы практического интереса и обычной благодарности. Фролова превратила его стабильную, размеренную жизнь в хаос, и ему это не нравилось. Он не привык любить. Не умел, потому что считал это чувство деструктивным. Не допускал даже мысли о том, что когда-нибудь в его жизни появится кто-то настолько же важный, как Яна. И вот результат. К завтрашней встрече он успел бы морально подготовиться, а сейчас оказался не готов.

– Этот дурацкий токсикоз меня доконает, – вздохнула Юля, войдя в дом и тяжело опустившись на диван.

– Это не токсикоз, – сообщил Андрей, хмуро глядя на гостью. – Это реакция на травы. Давно началось?

– Вчера после обеда. Сначала в транспорте укачивало, сегодня днём в обморок грохнулась, а теперь вот... Хорошо,

что таксист терпеливый попался и не ругался, когда я чуть ли не на каждом километре просила его остановиться.

– Что ела перед тем, как первый раз плохо стало? – сухо уточнил Турин.

– Суп, – Юлия сделала глубокий вдох, пытаясь подавить очередной приступ тошноты.

– Ингредиенты перечисли, пожалуйста.

– Серьёзно? – удивлённо приподняла брови девушка.

Яна стояла в дверном проёме возле кухни и переводила задумчивый взгляд с брата на гостью. Поведение Андрея вызывало у неё недоумение – то он вроде бы обрадовался приезду Юли, потом начал метаться, как зверь в клетке, а теперь, кажется, злился. Только не совсем понятно, на кого именно и за что. На вопрос Юли он так и не ответил – просто устался на неё сердито и ждал.

– Курица, картошка, морковка, – начала перечислять Юлия, одарив Турина недовольным взглядом. – Яйцо варёное. Щавель, молодая крапива, зелёный лук, укроп, петрушка...

– Крапива, – кивнул Андрей.

– И? – не поняла девушка.

– Расторопша, дербенник, полынь, крапива, зверобой... Раз уж ты полезла в чёрную магию, то теперь нужно очень тщательно следить за тем, что ешь и пьёшь. Многое из того, что раньше приносило организму пользу, теперь будет вредить.

– Почему? – нахмурилась Юлия.

– Бабка Зина очень хорошо в травах разбиралась. Странно, что эти её знания у тебя почему-то отсутствуют, – недовольно поджал губы Андрей.

– Я вообще не в курсе, что у меня присутствует, а что отсутствует, – призналась Юля. – Про травы точно ничего особенного нет. Хотя... Я знаю, как составить сбор, с помощью которого можно избавиться от ребёнка. Информация поступает исключительно по мере надобности, и я понятия не имею, так и должно быть, или это со мной что-то не так.

– С тобой вообще всё не так, – сердито проворчал Турин, и его сестра удивлённо вскинула брови. – Некоторые растения обладают силой, несовместимой с чёрной магией. Их можно использовать в ритуалах, но нельзя добавлять ни в еду, ни в напитки. Даже если сжигать, от запаха дыма может случиться приступ. Можешь считать, что обзавелась аллергией. Убить это не убьёт, но навредить здоровью – запросто.

– А полный список можно огласить? – нахмурилась Юля, пытаясь понять, почему подсознание не поделилось с ней такой важной информацией.

– Он достаточно длинный, – сообщил Андрей. – Если хочешь, я напишу.

– Хочу, – кивнула девушка. – Но я ведь всего один раз...

– Этого вполне достаточно, – перебил её Турин. – Белая магия в Астрал не лезет, она больше природная, а во время чёрного колдовства собственная чистая энергия смешивается с астральными энергетическими потоками. Откатами

возвращается всё, что было использовано, потому что в процессе магических преобразований энергии смешиваются. То есть ты отдаёшь только своё, а назад получаешь ещё и то, что взяла извне. Откаты от чёрной магии потому и тяжёлые, что в твоё биополе попадает чужеродная энергия Астрала. Чем чаще прибегаешь к колдовству, тем больше этой энергии накапливается, и травы дают реакцию на то, что в тебе накопилось.

– Пойду-ка я на ужин что-нибудь придумаю, пока вы тут болтаете, – проворчала Яна и скрылась в кухне.

От разговоров о магии её всегда коробило. Даже когда Андрей в юности вдохновенно делился с ней своими познаниями, у Яны волосы на затылке шевелились. Она признала существование потусторонних сил, смирилась с их присутствием, но даже спустя столько лет не могла спокойно к этому относиться.

– Нет, – возразила Юля Андрею. – Ты не прав.

– И в чём же? – раздражённо уточнил он. – Если мне не изменяет память, то у меня вроде бы побольше опыта общения с откатами, чем у тебя. И я прекрасно вижу, сколько ты хапнула ненужного, когда в добрую колдунью поиграть решила.

Юля притихла. Во-первых, ей всё ещё было нехорошо. Во-вторых, она не ожидала застать хозяев дома, и поэтому чувствовала себя крайне неудобно. В-третьих, она не понимала, какая муха укусила Турина. Он ведь всегда был монумент-

тально невозмутим. Пренебрежительное высокомерие, цинизм – это она ещё поняла бы, поскольку ничего другого от Андрея не видела, но настолько откровенная неприязнь выбивала её из колеи ещё и потому, что ничего подобного во время вчерашнего телефонного разговора она в его голосе не слышала. В сложившейся ситуации целесообразнее всего было промолчать, но она не сдержалась, поскольку обширными знаниями об откатах обзавелась ещё тогда, когда два месяца назад лежала на этом самом диване не в состоянии даже пошевелиться.

– Энергия откатов не накапливается.

– Да неужели? – вскинул брови Турин. – Ну-ка, просвети-ка меня, непросвещённого.

– Да без проблем! – приняла вызов Юля. – Представь, что ты... Ну, допустим, гончар. Для производства посуды тебе нужна глина, и ты потратил на её покупку, например, тысячу рублей. Сделал какой-нибудь супер-пуперский кувшин, и продал его за две тысячи рублей. То есть ты окупил свои расходы и заработал столько же сверх. Цели обогатиться у тебя нет, просто нравится кувшины делать. Хобби такое. Свою тысячу положил обратно в кошелёк, а прибыль опять потратил на глину. Сделал кувшин, продал его, на вырученные две тысячи купил ещё глину. Получается, что теперь у тебя есть материал на два кувшина, но ты делаешь один, а лишнюю глину кладёшь в чуланчик. Опять продал, купил два куса глины, и один из них израсходовал, а другой положил в чу-

лан. И так до тех пор, пока у чулана дверь не треснет под тяжестью всей той глины, которую ты зачем-то туда складываешь, но не расходуешь. То же самое и с откатами происходит. Для первого колдовства ты используешь свою энергию и заимствованную. Неважно, в Астрале ты её взял, у природы, или на распродаже прикупил. Вернётся тебе всё – и твоё, и чужое. На следующее колдовство тебе опять понадобится сторонняя сила. Если то, что вернулось тебе с откатом, подходит по качеству, это можно использовать, а не лезть в Астрал или ещё куда-то за новой порцией, которая тебе же в чуланчик потом и прилетит. Да, для разных целей разная энергия нужна, но если колдун практикует регулярно, то он постепенно обрастает запасом всего необходимого и не заимствует лишнее, потому что своего хватает. Зинаида так и делала первое время. Это как коллекция. По одной порции каждого вида энергии, которой пользовалась – первое время тяжело, но постепенно организм привыкает. Сначала одно, потом другое, третье... У неё ничего лишнего не было. А если и появлялось, то она перенаправляла излишек на заказчика, как в случае с защитой для нашей семьи. Ты её разозлил, вот она на тебя весь свой запас и сбросила. Не груз ответственности, как ты думал, а коллекцию подручного материала, которую годами собирала, чтобы не искать, когда понадобится. Я за прошедшие два месяца полностью привыкла к тому, что мне прилетело, и уже не чувствую этого. Вообще-то от откатов защита есть, но Зинаида Трофимовна ею не

пользовалась, потому что практикующему колдуну удобнее при себе иметь всю нужную энергию. Эта защита как фильтр работает – своё пропускает, а чужое земле отдаёт. Я со снятием с Яны проклятия поторопилась, про защиту не подумала, поэтому и схлопотала лишнее. Кстати, ты видишь не всё. Большая часть уже улетучилась, потому что магия, которую я использовала, срока действия не имеет. Она моментальный эффект даёт. Это если длительное какое-то колдовство вроде приворота, то там на протяжении всего периода действия откат идёт. Ты на самом деле очень мало об откатах знаешь, потому что...

– Ты меня учить приехала? – холодно перебил её Андрей.

– Нет. Я приехала, потому что мне больше некуда ехать. Меня мать из квартиры выселяет, до конца недели срок дала. Яна говорила, что я могу здесь пожить, если надо.

– Понятно, – вздохнул Андрей, встал из-за стола и вышел на улицу.

Юля посмотрела ему вслед долгим взглядом, поднялась с дивана и заглянула в кухню.

– Ян, я, наверное, поеду обратно. Нехорошо получилось, извини. Я просто думала, что здесь нет никого.

– Даже не думай, – нахмурилась Яна. – Мы завтра в город перебираемся вместе с вещами, и дом остаётся в твоём полном распоряжении. Сегодня в маленькой комнате переночуешь, я там коробки с постели убери только, а потом хоть на ушах тут стой.

– Да неудобно как-то, – поморщилась девушка. – Андрей явно не в восторге от моего появления. Не хочу никого напрягать.

– Юль, ты меня извини, конечно, но с таким отношением к жизни ты до старости будешь чувствовать себя несчастной и никому не нужной, – сердито сообщила хозяйка. – Уговаривать тебя я не стану. Хочешь – оставайся. Не хочешь оставаться – уезжай. Только не говори потом, что тебя отовсюду гонят. Не знаю, какая шлея Андрею под хвост попала, но он через пять минут одумается и извиняться будет. Пять минут ведь ничего не изменят? Нет? Тогда бери колбасу, нож, и помогай мне делать бутерброды. Как дети малые, честное слово.

Глава 5

Турин не извинился ни через пять минут, ни через десять, ни даже через час, потому что приехал Ерёменко, и мужчины засиделись допоздна, обсуждая детали плана по «воскрешению» Андрея. Деталей было много. Некоторые из них имели отношение к Яне, в связи с чем Юля оказалась предоставлена самой себе. Возвращаться домой очень не хотелось, поэтому она всё-таки решила остаться. Немного погуляла по деревенским улочкам, наслаждаясь свежестью вечернего воздуха. Хотела было узнать у кого-нибудь из местных жителей, в какое время утром открывается церковь, но передумала – все вопросы по поводу упокоения усопших можно было задать Турину, когда его настроение будет располагать к диалогу. Он ведь больше половины своей жизни посвятил изучению теоретической части магии, поэтому наверняка знал о загробном мире куда больше священников, которые черпают свои познания из единственного доступного источника.

Вдоволь нагулявшись, Юля вернулась в дом, где Яна уже успела расчистить для гостыи спальное место в комнатухе, заваленной коробками с вещами.

– Сейчас ещё фумигатор найду, а то ночью тебя комары загрызут, – пообещала гостеприимная хозяйка.

– Не надо, – улыбнулась Юля. – Меня комары не кусают. Точнее, раньше кусали, а теперь я их не интересую. Если ве-

ритель теории твоего брата насчёт несовместимости некоторых растений с чёрной магией...

– Андрей как-то говорил, что магия меняет кровь, – вспомнила Яна. – Любая магия, не только чёрная. Но его комары грызут аж бегом.

– Ну тогда будем считать, что это часть подарочка от вашей двоюродной бабки, и мне повезло больше, чем ему, – не стала спорить девушка, хотя могла бы, поскольку кое-какие знания по данному поводу у неё имелись.

Андрей почему-то полагал, что раз уж ей досталось магическое наследие Зинаиды Трофимовны, то и знания должны были перейти все, какими обладала старуха. А как же опыт? Много же с опытом приходит. Да, он прав – чёрная магия меняет человека, но ведь эти изменения индивидуальны и от многих факторов зависят. Зинаида действительно очень хорошо разбиралась в травах, поскольку в её наследии знаний по данному поводу было предостаточно, но многому она училась сама, на собственной шкуре, как теперь это происходило с Юлей. Можно быть практикующим чёрным колдуном и при этом хомячить крапиву и чертополох килограммами, не опасаясь последствий. Дело не в несовместимости энергий и сил, а в самом человеке, в личном восприятии того или иного раздражителя. Нужных знаний у Юли не оказалось только потому, что не существует общего списка трав, которые одинаково опасны для чёрных колдунов. У каждого своя реакция на то или иное растение. Чабрец тоже обла-

дает свойствами, оберегающими от «нечистой силы», но на чай с чабрецом реакции у Юли никакой нет, а бабка Зинаида, помнится, эту ароматную травку на дух не переносила, как и мяту, лимонник и многое другое. Только вот спорить по этому поводу с Туриным и доказывать ему что-то – себе дороже обойдётся, учитывая его не слишком дружелюбное настроение.

От скромного ужина, состоявшего из бутербродов с колбасой и лапши быстрого приготовления, Юля отказалась, но не из скромности, а потому, что всё ещё чувствовала себя неважно. Пожелала всем спокойной ночи, выключила в своей комнатухе свет, прикрыла дверь и попыталась заснуть. Сон пришёл сразу же, но лучше бы он не приходил вовсе, поскольку подсознание раз за разом выдавало один и тот же сюжет, подсмотренный днём в мыслях Саши – искажённые гневом и ненавистью лица, камни, колодец, подкрашенная кровью вода. Люди выкрикивали слова проклятий, которые звучали сначала отчётливо, а потом всё глуше и глуше... Светлый квадрат высоко вверху постепенно темнел, а потом ослепительно вспыхивал, и всё начиналось сначала – гнев, камни, колодец. Одно и то же, будто в этой короткой сцене крылся какой-то очень важный смысл.

* * *

Андрей стоял в темноте возле низкой кровати, на которой спала девушка, укравшая его покой. Она звала его – не вслух,

но в мыслях, и это продолжалось уже довольно долго. Просила о помощи. О какой именно? Он не знал, но чувствовал всё, что чувствовала она – страх, ярость, холодную ненависть. Пропускал её эмоции сквозь себя, пытаюсь понять, что именно её мучает. Дело было в кошмаре, который ей снился, но Андрей не обладал способностью подсматривать чужие сны, как не мог и в чужие мысли заглянуть. Он не телепат, в отличие от Юли. Много видел, многое знал, умел чувствовать настроение и предугадывать намерения, но читать чьё-то сознание как открытую книгу – нет.

– Юля... – тихо позвал он и осторожно прикоснулся к её руке, которая оказалась влажной и невероятно холодной. Нахмурился, включил в комнате свет и потряс девушку за плечо. – Юля, проснись.

– А? – вскинулась она, растерянно озираясь по сторонам. – Я кричала, да? Разбудила тебя? Прости.

– Ты не кричала, а я не спал, – хмуро сообщил Андрей. – Что тебе снилось?

– Да ерунда. Кошмар просто.

– Ерунда не длится несколько часов кряду. Я внимательно тебя слушаю.

– Сейчас? – Юля поморгала и потёрла кулаками глаза. – Ночь ведь. Тебе отдыхать надо.

– Сейчас мне надо услышать, что мешает отдыхать тебе. Беспокойный сон матери не идёт ребёнку на пользу. Он хоть и маленький ещё, но всё чувствует. С ним, кстати, вроде бы

всё в порядке. Магия отката если ему и навредила, то незначительно.

– Он? – окончательно проснулась Юля. – Это мальчик?

– Да, это мальчик, – кивнул Андрей. – УЗИ тебе, насколько я понимаю, ещё не делали?

– Нет, – покачала девушка головой. – Первый скрининг на двенадцатой неделе обычно делают, а у меня только десятая пошла. А что?

– Он развивается вполне нормально, насколько я могу судить, но я не врач. Обследование и раньше назначают, если есть подозрения в каких-то отклонениях, а ты хочешь оставить ребёнка. Ну или сама сходи в какую-нибудь платную клинику, чтобы не волноваться. Нужно было сразу это сделать, а не ждать моего непрофессионального вердикта.

– Я боюсь, – призналась Юля.

– Чего именно? – уточнил Андрей.

– Да всего, – развела она руками. – Поставь себя на моё место. Работы постоянной нет, жилья нет, отца у ребёнка нет. Точнее, он есть, но я с ним жить не собираюсь даже в том случае, если получится избавить его от одержимости. Я одна, понимаешь? Я боюсь, что просто не вытяну ребёнка. И избавляться от него тоже боюсь, потому что он удерживает меня в границах реальности. Боюсь, что...

– Стоп, – остановил её откровения Турин. – Я не готов логически мыслить с такой же скоростью, как ты болтаешь. Что значит «удерживает»?

– Если я сейчас начну умничать, ты опять психанёшь, – поморщилась Юля.

Андрей посмотрел на неё внимательно и вздохнул.

– Извини. Твоё появление сегодня здесь выбило меня из колеи, поэтому я вёл себя по-свински.

– Но мы же договаривались встретиться завтра и поговорить, – напомнила ему девушка. – Какая разница, раньше получилось или позже?

– Разница есть, но объяснять её я не буду. Тебе это знать не нужно. Считай, что это мои личные заморочки. Давай вернёмся к вопросу, который я задал? Что значит «ребёнок удерживает в реальности»?

Юля переложила подушку к стене, передвинулась, облокотилась на неё спиной и похлопала рукой по освободившемуся месту на постели.

– Садись, это надолго.

Андрей сходил в соседнюю комнату, принёс оттуда ещё одну подушку, закрыл дверь, чтобы ночной разговор не разбудил Яну, и сел на противоположном конце кровати почти в такую же позу, в какой сидела Юля. Ноги только не под себя поджал, а вытянул их на одну из коробок.

– С чего начать? – уточнила девушка. – С первого твоего вопроса о том, что мне снилось, или с информации о несовместимости чёрной магии и детей?

– Давай второе, потому что для тебя это, кажется, важнее.

– Да, – согласилась Юля, но сочла своим долгом преду-

предить: – Только я сейчас опять про откаты буду рассказывать, потому что это всё из-за них.

– Валяй, – кивнул Андрей.

– Не знаю, в курсе ты или нет, но мать и ребёнок связаны энергетически как во время беременности, так и после. Защиту от отката можно использовать на себя, но на ребёнка она не действует, и отдельно защитить его тоже нельзя. И перенаправить откат на кого-то другого при наличии ребёнка тоже не получится.

– Почему?

– Потому что собственная энергия объектов родственная. Откатом она возвращается обладателю. Если путь к обладателю закрыт, первым делом под удар попадает родственный объект по нисходящей линии. Грубо говоря, всё, что не прилетело мамочке, достанется малышу. И то, что прилетело, тоже зацепит. Способа изменить это не существует. Если я буду колдовать, это убьёт моего ребёнка.

– А твои родители при этом не пострадают, потому что они относятся к восходящей линии, – сделал вывод Андрей.

– Угу, – кивнула Юля. – Бьёт от родителей к детям, но не наоборот. И только чёрная магия. Откаты от светлой вреда никому не причиняют. Они есть, но намного легче переносятся и не длятся долго.

– А если колдует отец, а не мать?

– То же самое, – пожала Юля плечами. – Для магии нет разницы, папа колдун или мама. Магия важна энергия.

– Жёстко, – нахмурился Андрей. – Я этого не знал. Хорошо, что не успел жениться и размножиться.

– Ты не знал, потому что не видел никогда, как это работает. Много ты практикующих чёрных колдунов знаешь, у которых дети есть? Ваша двоюродная бабушка потому и выбрала одиночество, что хотела колдовать. Либо колдовство, либо дети. По-другому никак. Я говорила Яне, что наследие Зинаиды Трофимовны чёрное, а чёрная магия жестока.

– Да, Яна мне сказала, – кивнул Турин. – Странно, что я сам за столько лет не понял, чем старуха занимается.

– А как бы ты понял? – усмехнулась девушка. – Она же не вешала на дверь табличку «Осторожно! Чёрная магия!», правильно? Забила тебе голову всякой ерундой, чтобы в своих целях использовать, а потом ты на основе полученной от неё информации строил свои изыскания и делал неправильные выводы. Кстати, я до сих пор не поблагодарила тебя за спасение меня из лап одержимого доктора Карманникова. Спасибо.

– На здоровье, – криво улыбнулся Андрей. – Я тоже тебя не поблагодарил за Яну. Ну и за себя. Если я всё правильно понял, эти приступы летаргии из-за кладбищенской земли были?

– Вероятнее всего, – неуверенно отозвалась Юля. – Это точно не откаты, потому что мир мёртвых ничего не возвращает. После такого колдовства откатов в полном смысле этого слова нет. Тяжёлая магия, потому что отдаёшь слишком

много своих сил, которые назад не получаешь. Мёртвые забирают и твою энергию, и астральную. А ещё они очень не любят, когда что-то берёшь у них. Думаю, приступов у тебя больше быть не должно, но я бы на твоём месте проверять эту теорию не рискнула.

– Ясно, – кивнул Турин. – Но мы отвлеклись от темы. Ты не хочешь колдовать, но не уверена, что сможешь удержаться от соблазна. Так? И ребёнок тебе нужен только для того, чтобы не возникало желания снова прикоснуться к магии.

– Ребёнок мне нужен в принципе, – вздохнула девушка. – Андрей, мне двадцать восемь.

– Рожают и в пятьдесят.

– Ага, а потом тридцатилетние дети хоронят своих родителей, и это в лучшем случае. В наше время и до семидесяти далеко не все доживают. Плюс нагрузка на стареющий организм. Шанс забеременеть и родить здорового ребёнка, опять же, с возрастом стремительно уменьшается. Да даже не в этом дело, сейчас о другом речь. Я уже беременна и не знаю, что с этим счастьем делать дальше. Не уверена, что справлюсь, потому что проблем слишком много. Даже если ты прав, и малыш может родиться здоровым, что я с ним буду делать? Ютиться по чужим углам и жить на государственное пособие?

– Ты можешь выйти замуж.

– За кого? – вскинула брови Юлия. – За Сашу? Не хочу, спасибо. Раньше я была уверена, что люблю его, а теперь ни-

чего, кроме жалости, не чувствую. На жалости можно счастливую семью построить?

– За меня, – отчётливо произнёс Андрей и посмотрел Юле в расширившиеся от удивления глаза.

– А тебе больше всех надо что ли? – уточнила она.

– Да, – последовал спокойный ответ.

– Зачем?

– Хотя бы ради того, чтобы знать, что ты сидишь дома и нянчишься с ребёнком, а не лезешь опять в какую-нибудь дыру в поисках неприятностей на свою и мою голову.

Юле очень хотелось бы воспринять эти слова как шутку, но Турин выглядел настолько серьёзным, что она нахмурилась и отрицательно покачала головой.

– Нет.

– Почему? – уточнил Андрей. – Это взаимовыгодная сделка. У тебя будет дом и семья, а у ребёнка отец. Мне нужен наследник. Яна уже вряд ли рискнёт рожать, если вообще когда-нибудь захочет устраивать свою личную жизнь, а я от магии отказываться не собираюсь. По крайней мере, от теоретической её части, но не факт, что не захочу и попрактиковаться. Ты обладаешь знаниями, которых мне недостаёт, а у меня есть возможности, недоступные тебе. Да, я сейчас тоже оброс проблемами, но все они носят чисто юридический характер и решаемы. Думаю, я успею справиться с ними до того, как твой сын родится. Можем расписаться сразу же после того, как я официально вернусь в мир живых и получу

паспорт. Справка только нужна будет о беременности, чтобы брак зарегистрировали в день обращения. Обычный брак по расчёту, если ты, конечно, не питаешь иллюзий насчёт любви и долгих лет семейного счастья.

– Нет, – повторила Юля сухо. – Ты этого не хочешь. Это та же самая жалость, какую я испытываю к Саше. Попытка защитить беззащитного. Предлагаю закрыть эту тему, пока мы не поссорились.

– Хорошо, – Турин поднял руки вверх в примирительном жесте. – Тогда давай вернёмся к вопросу о твоём ночном кошмаре.

– Моём кошмаре? – переспросила девушка, изо всех сил стараясь переключиться с предыдущей темы на следующую. – А, ну да... Это с Сашей связано.

– Я почему-то так сразу и подумал, – улыбнулся Андрей одними только уголками губ, что раньше Юлю раздражало, а теперь не казалось таким уж неприятным.

– Я сегодня навещала его в психушке...

– А я разве не просил тебя ничего не предпринимать до моего приезда?

– Просил, но я просто хотела сказать ему про ребёнка, – виновато вздохнула девушка. – Знаю, что не надо было этого делать, но я ещё до разговора с тобой просила у его врача разрешение на посещение, и отказываться было неудобно.

– Неудобно штаны через голову надевать, слышала такое выражение?

– Ага. И на потолке спать, потому что одеяло падает. Если будешь постоянно меня перебивать, я что-нибудь важное забуду.

– Ладно, молчу, – недовольно поморщился Андрей.

Юля рассказала ему всё по порядку. Начала с того, как сильно изменился Александр после смерти матери. О частых визитах бывшего жениха на кладбище и о странной могиле под роскошной елью. О своих видениях, которые сложно было назвать снами, поскольку информация для ярких картинок шла откуда-то извне, а не из собственного подсознания.

– У тебя в коробке помимо земли был ещё осколок от надгробия с этого же городского кладбища. Гранит с розовым кварцем. Я его тоже вернула на место, и по ощущениям возле той могилы было почти то же самое, что и возле этой, которая под ёлкой. Не то, что там неуспокоенный, а какое-то другое чувство. Отталкивающее.

– Я этот камень не на кладбище нашёл, – вспомнил Турин, о каком именно осколке идёт речь. – В городе, недалеко от школы. Он просто на дороге валялся, а я почувствовал, что очень хочу его взять. Понятия не имею, о какой могиле ты сейчас говоришь.

– Я могу показать, – предложила Юля.

– Это, конечно, замечательно, но объясни, пожалуйста, откуда такое стремление решить проблемы человека, который тебе даже не нужен? Про жалость я уже слышал, но должно быть нечто большее, чтобы беременная женщина, наплевав

на себя и будущего ребёнка, шаталась по кладбищам в поисках приключений.

– Я там всего один раз была, – насупилась Юля, недовольная тем, что Андрей опять злится. – И это из-за меня Саша пострадал.

– А, чувство вины, – кивнул Турин. – Согласен, это сильнее жалости. Но каким боком здесь ты? Астральный паразит матери менял его сознание в угоду себе и ей, потому что парня угораздило в тебя влюбиться. В данном случае твоя вина заключается в том, что ты была защищена магией, и сущность не могла питаться твоей энергией. Но ты не знала об этой защите, так ведь? Мать тебе позже о ней рассказала. Может, она виновата? Нет, не она, потому что защита не ею создана была. Выходит, виновата бабка Зинаида. Хотя... Как ты к ней попала? Порчу чужую хапнула? Ну тогда виноват тот, кто эту порчу сделал. Или тоже нет? Знаешь, так можно до бесконечности искать виноватых, но когда дело касается Астрала, человеку несведущему очень сложно что-то изменить. В данном случае твоей вины нет. И на кладбище ночевать своего жениха ты не заставляла, правильно? В том, что с ним сейчас происходит, твоей вины тоже нет. Тебе, наверное, просто нравится чувствовать себя виноватой во всех проблемах всех окружающих тебя людей.

– Зачем ты так? – обиделась Юля.

– Если я не прав, то объясни, в чём именно, – предложил Андрей.

– Мне не нравится чувствовать себя виноватой, – предъявила она в ответ единственный имеющийся довод.

– Тогда включи логику, инстинкт самосохранения и подумай ещё раз хорошенько, чего ты на самом деле хочешь, и что ты на самом деле чувствуешь, – вздохнул Турин и встал с её кровати. – Пойду спать, а то уже светает. Если хочешь нормально выспаться, расслабься и представь, что у тебя в сознании горит крошечная искорка света, которая постепенно увеличивается в размерах и вытесняет за пределы черепной коробки всю тьму, какая есть внутри. С твоими способностями это должно сработать быстро, но проспишь потом долго.

– Да мне-то какая разница, сколько я просплю? – хмуро посмотрела на него девушка.

– Мы после обеда уезжаем, – сообщил Андрей.

Она несколько мгновений соображала, что он имеет в виду, а потом поняла – ей не разрешают остаться.

– Ясно. Ладно. Постараюсь проснуться пораньше.

Андрей тяжело вздохнул и сокрушённо покачал головой.

– Что тебе ясно? Ты с нами едешь.

– Зачем? – непонимающе моргнула Юля.

– Во-первых, этот дом для жилья непригоден, – начал загибать пальцы Турин. – Во-вторых, здесь нет Интернета, и мобильный плохо ловит, а Яна сказала, что тебе для работы это нужно. И в-третьих, я хочу, чтобы ты находилась под постоянным присмотром, пока я не разберусь, во что ты в оче-

редной раз вляпалась. Эти видения не просто так тебе даются, и они опасные, потому что толкают тебя на необдуманные поступки. Поживёшь у нас некоторое время. Если откажешься, я просто не буду тебе помогать, понятно?

– Более чем, – поморщилась Юля.

– Ну тогда спокойной ночи, – кивнул Андрей, забрал свою подушку, выключил свет и оставил её одну.

Неприятно, когда за тебя вот так вот принимают какие-то важные решения, но у Юли не было ни малейшего желания возражать. Ведомая? Да. Просто надоело всё решать самой. Турин вроде бы намерен разобраться в том, что творится с Сашей, а остальное не имеет значения. Хочет командовать? Пусть командует. В данный момент ей очень хотелось просто отдохнуть, поэтому гордость и потребность отстаивать свои права на свободу воли оказались засунутыми куда подальше. «Как он там сказал? Крошечная искорка? Ну и где ты, искорка?» – подумала Юля и уже через несколько минут спала крепким сном без сновидений, потому что способностей для этой простенькой и даже не магической защиты от навязчивых кошмаров оказалось предостаточно.

Глава 6

– Ты сделал ей предложение? – Яна присела на табуретку, чтобы не упасть. – С чего вдруг?

– Тебе честно сказать или придумать этому какое-нибудь логичное объяснение? – уточнил Андрей, отхлебнул из чашки горячий кофе и, не дожидаясь ответа, сообщил: – Я не знаю. Она мне не нравится. Она создаёт проблемы и сеет вокруг себя хаос.

– И всё же ты сделал ей предложение, – подозрительно нахмурилась сестра, отказываясь верить собственным ушам и словам. – Насколько я помню, ты говорил, что никогда не женишься. Брак – это формальность, лишние обязанности, возложение на себя заботы о постороннем человеке и так далее в том же духе. Не подумай, что я против, просто как-то неожиданно это всё.

– Она тоже против, поэтому нет смысла волноваться, – усмехнулся Андрей и добавил, сделав очередной глоток: – Но жить она всё равно будет с нами.

– В городе?

– Да.

– И она согласилась?

– Я её согласия не спрашивал. Не знаю, как ты здесь жила, но я так и не смог заснуть, потому что боялся, что мыши обгрызут мне пальцы на ногах. Грызуны заразу разносят, ес-

ли ты не в курсе, но дело даже не в этом. В таком состоянии этот дом не для людей, а для насекомых только жилищем может служить. Сюда надо загонять бульдозер, всё сносить и отстраивать заново, если тебе хочется возиться на участке. Из ценного здесь только земля. Хорошая, но дорого её не продашь, поэтому предлагаю пока оставить всё, как есть. Разрулим вопрос с городским домом, а потом будем что-то насчёт этого решать. Тебе здесь нравится?

– Здесь спокойнее, чем в городе, – вздохнула Яна.

– Значит, этот снесём, а на его месте построим для вас с Ринатом что-нибудь приличное. И не надо на меня смотреть так испуганно, – усмехнулся Андрей. – Я не слепой.

– Между нами ничего нет, – возразила Яна.

– Нет, – согласился брат. – Но только потому, что ты мои интересы всегда на первое место ставишь. Ты ему нравишься, и это очевидно. Он тебе тоже небезразличен. Сходитесь, живите. После стольких лет одиночества перед тобой наконец-то замаячила возможность счастливого будущего, и нет ни одной причины, чтобы не пользоваться этой удачей. Да, я безмерно благодарен тебе за заботу, и без тебя мне вряд ли удалось бы выкарабкаться, но не надо ради меня ставить на себе крест. Скиф – порядочный, умный и правильный мужик. Дай ему шанс.

– Андрей, я не хочу об этом говорить, – нахмурилась женщина. – У нас сейчас есть куда более насущные проблемы, чем моя личная жизнь.

– Просто ты трусиха, – неожиданно широко улыбнулся он в ответ.

Яна уже забыла, когда в последний раз видела такую искреннюю улыбку на лице брата. Если он и улыбался, то скупно, одними только уголками губ. Глазами – никогда, а теперь в них сверкали искорки веселья, что Андрею вообще было несвойственно.

– Ты влюбился, – с удивлением констатировала она.

Улыбка погасла, и взгляд брата снова стал жёстким.

– Нет.

– Да. И это ты трус, а не я. Я-то хотя бы не отрицаю, что Ринат мне нравится, а ты даже самому себе в своих чувствах к Юле признаться не хочешь.

Он открыл рот, чтобы возразить, но из-за закрытой двери маленькой комнаты донеслась мелодия телефонного звонка и вслед за этим почти сразу же – дикий вопль, от которого у обоих Туриных похолодело внутри. Оба ринулись спасать гостью от неведомой беды, но Андрей ворвался в спальню первым. Юля прыгала в узком проходе между кроватью и коробками, истошно визжа, на ходу стаскивая с себя футболку и одновременно мотая головой в попытках вытряхнуть что-то из густых волос. Одеяло валялось на полу, а по простыни на постели в большом количестве ползали крупные рыжие муравьи с крыльями.

– Иди сюда, я помогу, – поймала Яна девушку за руку и вывела из комнаты, на ходу распорядившись: – Андрей, не

ходи пока сюда, ей переодеться надо.

– Да без проблем, – хмуро отозвался Турин, прислушиваясь к мелодии, звук которой доносился теперь из-под кровати.

Видимо, Юля уронила телефон, когда вскочила, но шарить рукой в темноте, рискуя напороться на муравейник, Андрей не рискнул – он переставил коробки и сдвинул кровать, чтобы достать аппарат. Широкая муравьиная тропа тянулась от щели за плинтусом вверх по стене, но обрывалась на уровне кровати. Лишившись возможности перебраться на постель по белью, насекомые растерянно расползались в стороны. В соседней комнате Юля громко жаловалась Яне на то, что терпеть не может всё живое, у чего конечностей больше, чем у неё

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.